

МАРИЯ
СОНИК

СТРОПТИВАЯ
ВЕДЬМА
ДЛЯ ВЛАДЫКИ

Мария Соник

Строптивая ведьма

для владыки

<https://litres.ru/74521514>

Аннотация

Ритуал спасения ведьмы дал сбой, и теперь я — беспомощная самозванка во дворце самого Владыки. Моя магия — это блеф и надежда, что никто не потребует доказательств. Но всё сложнее становится игнорировать один вопрос: чего ради сам Повелитель так пристально за мной наблюдает?

Книга участвует в литмобе «Попаданка не по ГОСТу»:

Поддержите книгу лайками и комментариями! Добавьте её в свою библиотеку. Подписывайтесь на автора! МАРИНЯ СОНИК

Содержание

Глава 1: Метро, которое стало порталом	4
О литмобе	10
Глава 2: Ведьма? Мы таких не знаем!	17
Глава 3. Мои новые старые хоромы	30
Глава 4. Завтрак с хищником	42
Глава 5. Магическая безграмотность	60
(откровение)	
Глава 6. Метод кнута и Excel	80
Глава 7: Мелкие пакости	97
Глава 8. Соперницы	103
Глава 9. Быт как оружие	115
Глава 10. Не простые мысли	132
Глава 11. Сплетни	140
Глава 12. Незванные гости	148
Глава 13. Козни за спиной	156
Глава 14. Ночной визитер	163
Глава 15. Разговоры о жизни	170
Конец ознакомительного фрагмента.	172

Глава 1: Метро, которое стало порталом

Ну всё, свершилось. Проект, который выпил из меня пол-литра крови и километры нервных клеток, наконец-то был сдан и сдан, как говорится, в продакшн. Я с чувством глубочайшего морального удовлетворения хлопнула крышкой ноутбука. Два выходных. Целых два! Впереди — диван, плед, кружка чая размером с небольшой аквариум и телевизор, где никто не будет дергать меня с вопросом «А где тут запятая?».

В офисе было пусто, гулко и как-то сиротливо. Лампы дневного света мерно гудели, напоминая, что охрана уже, наверное, точит на меня зуб и хочет поскорее закрыть эту контору на ночь. Я накинула пальто, схватила сумку и вылетела вон, даже не дожидаясь лифта — побежала по лестнице, цок-кая каблучками по ступенькам. Свобода!

На улице встретила осень. Мало того, что вечер, так еще и дождь решил напомнить о себе. Мелкий, противный, моросящий. Но мне было плевать! Настроение было таким огромным и солнечным, что никакой дождь не мог его намочить.

Я выскочила на нашу главную улицу, которая даже в слякоть выглядела открыточно. Асфальт блестел, как спина огромного черного кита, отражая огни фонарей, витрин и

проезжающих машин. Воздух был такой густой и вкусный, что его можно было есть ложкой: мокрая листва, выхлопные газы (куда без них) и умопомрачительный запах кофе и свежей выпечки из ближайшей кондитерской. Люди вокруг спешили, прятались под зонтами, а я, наоборот, замедлила шаг. Пусть все бегут, а я буду наслаждаться каждой секундой этой красивой, уютной, свободной пятницы.

Я шла мимо витрин, как ребенок мимо прилавков с мороженым. Вот книжный — манящий, теплый, с креслами у окна. Вот кофейня, от одного взгляда на которую хочется немедленно все бросить и заказать карамельный раф. А вот и цветочный рай — даже под дождем хризантемы стояли гордые и яркие, словно им вообще фиолетово на погоду. Я пообещала себе, что завтра же куплю и книжку, и букет, и, пожалуй, тот огромный кусок яблочного пирога. Заслужила.

Дождь, почувствовав мою беспечность, решил усилить натиск. Пришлось ускориться. Я нырнула в метро, и меня тут же окутал знакомый коктейль запахов: сырая одежда, резина от эскалатора, женские духи и, конечно, запах вечной спешки. Вечерний час пик — это даже не время суток, а состояние души. Платформа была забита под завязку. Люди с мокрыми зонтами, люди с пакетами, уставшие лица, злые лица, счастливые лица (таких было меньше всего). Я, как опытный боец подземки, сразу рванула в самый конец платформы. Последний вагон — моя зона комфорта. Там меньше народу, и можно спокойно прижаться к стеклу и тупо смотреть

в туннель.

Платформа завибрировала. Гул приближающегося поезда нарастал, заглушая гомон толпы. И тут я заметила их. Компания парней. Человека четыре. Судя по покрасневшимся лицам и дурацким улыбкам, они были либо после вечеринки, либо просто в ударе. Они начали дурачиться, подталкивать друг друга, а потом один придумал новый вид спорта — прыжки на платформе. Они скакали, как кенгуру, изображая то ли рэперов, то ли просто идиотов. Я с легкой ностальгией подумала, что когда-то и мы были такими же беспечными. Но ностальгия быстро прошла, потому что один из них — долговязый, с рюкзаком, болтающимся на одной лямке, — в очередном прыжке врезался в меня плечом. Да так, что я чуть не выронила сумку и не полетела на рельсы. Меня качнуло, и я инстинктивно взмахнула руками, пытаюсь поймать равновесие.

— Эй, смотри куда прешь! — буркнул он, даже не обернувшись, и его друзья заржали, как кони.

У меня внутри все закипело. Вот это наглость! Я уже открыла рот, чтобы выдать все, что я о нем думаю, но поезд с грохотом влетел на станцию, двери открылись, и толпа просто смыла меня в вагон. Меня! Вместе с моим праведным гневом. Я влетела в последний вагон, проехала вдоль сидений и втиснулась в угол у стекла. Ну и ладно. Ну и пусть. Подумаешь, какой-то хам. Чай и диван ждут меня, а не его.

Поезд тронулся. Огни в туннеле замелькали, сливаясь в

сплошную светящуюся ленту. Я смотрела на свое отражение в темном стекле — уставшая, но довольная. И тут поезд резко дернулся. Не просто тормознул, а именно дернулся, как будто налетел на что-то. В ту же секунду меня накрыло. Странная, липкая слабость разлилась по телу. Сначала онемели пальцы, потом ноги, потом все внутри оборвалось. Огни за стеклом вдруг перестали мелькать, они закрутились в бешеную спираль, втягивая меня в себя. Я хотела закричать, но не смогла даже вздохнуть. Темнота пришла неожиданно и жестко, вырубив сознание одним ударом.

Сознание возвращалось кусками. Сначала — боль. Голова раскалывалась так, словно по ней отплясывала чечетка рота солдат в сапогах. Потом — холод. Подо мной было что-то твердое, каменное и ледяное. Никакого запаха метро, никакого гула поездов. Тишина. Только голоса.

Женские голоса. Шепот, но напряженный, взвинченный. — Ну что? Сработало? Она тут? — первый голос дрожал от возбуждения и страха.

— Да, она здесь. Дышит. Но... — второй голос был тверже, в нем слышалась властность, но сейчас и он звучал растерянно. — Я чувствую... это не совсем то. Слабовата. Словно что-то пошло не так на подхвате.

— Да какая разница?! — вмешался третий, резкий и нетерпеливый. — Портал открылся, и это уже победа. Главное, чтобы сила ведьмы перетекла в это тело. А этой бедняж-

ке оставим малую толику, пусть учится жить заново. Если не выживет — повторим ритуал. Ингредиенты найдем.

Меня словно обожгло. Я лежала с закрытыми глазами, боясь даже дышать. Сила ведьмы? Ритуал? Портал?! Какая, к черту, ведьма?! Я — обычный менеджер, который хотел домой, к чертовому чаю! В голове лихорадочно заметались мысли: «Это сон. Это бред. Я в реанимации, мне снятся наркотические глюки после удара головой». Но запах... запах был слишком реальным. Травы, дым, воск и что-то металлическое, как старая кровь. Этот запах пробирал до костей, ледяными пальцами щупал позвоночник.

Я рискнула чуть-чуть приоткрыть глаза. Сквозь ресницы увидела размытые силуэты. Женщины в длинных темных балахонах, склонившиеся над огромными фолиантами. Огонь свечей выхватывал из темноты их бледные лица, горящие глаза. Одна из них резко повернулась в мою сторону, и я ментально зажмурилась, притворяясь мертвой. Сердце колотилось где-то в горле, грозя выпрыгнуть наружу и выдать меня с потрохами.

— Очнется скоро. Тащи эликсир. Нужно подчистить ей память, пока она не начала орать, — услышала я тот самый резкий голос.

Подчистить память?! Вот так просто? Я лежала на холодном камне, в неизвестном месте, в компании людей, которые называют себя ведьмами и собираются оставить мне лишь «пятую долю» моей же собственной жизни. Паника душила

меня. Хотелось вскочить, закричать, бежать. Но тело было ватным, непослушным. Я понимала только одно: если я сейчас открою глаза и покажу свой страх — мне конец. Нужно тянуть время, притворяться, искать выход.

В голове пульсировала только одна мысль: «Это не метро. Это не больница. Это какой-то другой мир. И я здесь — разменная монета в чужой игре». И в этот момент я впервые в жизни поняла, что такое настоящий, животный ужас, когда земля уходит из-под ног, а ты даже не знаешь, есть ли под тобой вообще эта земля.

О литмобе

Роман участвует в литмобе 16+

Попаданка не по ГОСТу

Когда судьба решила сыграть с ней шутку и швырнула из уютной привычной жизни прямиком в эпицентр фэнтезийного безумия, она была в шоке. Но вместо заклинаний у неё в арсенале оказался бесперебойный сарказм. Вместо меча – острый язычок. А вместо мудрости древних пророчеств – здравый смысл и тонкая ирония.

Она превращает провал в профессию, а насмешки – в оружие. И неожиданно обнаруживает, что её смех, самый обыкновенный человеческий смех, способен разбудить дракона, растопить лёд в сердце эльфа и... найти ту самую, настоящую любовь, которая начинается не с подвигов, а с совместного хохота над нелепостью бытия.

Это история не о том, как она изменила мир. А о том, как она, оставаясь собой, нашла в нём свой дом.

Читать все истории литмоба: <https://litnet.com/shrt/JpE9>

Попаданка не по ГОСТу

Даты наших стартов:

12.02 Тая Шуи *«Раб в подарок»*

<https://litnet.com/shrt/f4zQ>

13.02 Анна Крылатая *«От казни до свадьбы – одна шутка»*

<https://litnet.com/shrt/6y1l>

14.02 Ния Рабин *«Дом париков леди Скелетти»*

<https://litnet.com/shrt/yNV0>

15.02 Лина Дорель *«Попаданка с характером, или Как я*

стала его проблемой» <https://litnet.com/shrt/OA0a>

16.02 Ольга (Ольга Михайлова) *«Закошмарить генерала*

драконов»

<https://litnet.com/shrt/kR4n>

17.02 Тоня Рождественская *«Попаданка в Драконьем за-*

коне»

<https://litnet.com/shrt/Ah0E>

18.02 Дарина Ромм *«Пышка в Академии Боевых Драко-*

нов»

<https://litnet.com/shrt/89Xw>

19.02 Ирина Колка *«Большой Кусь. Игра вне правил»*

<https://litnet.com/shrt/tzeo>

20.02 Мария Соник *«Строптивая ведьма против влады-*

ки»

<https://litnet.com/shrt/Cmak>

21.02 Тарана Азимова *«Я не попадусь на ваши клише»*

22.02 Александра М Кузнецова *«Бар у капибар, дракону*

вход воспрещен!»

24.02 Аллу Сант «Дракон для очень (не) стандартной по-
паданки»

Читать тут: <https://litnet.com/shrt/JpE9>

Глава 2: Ведьма?

Мы таких не знаем!

Наконец, решившись, я приоткрыла глаза. Шире. Смелее. Аккуратнее, черт возьми, ведь если эти тетки в балахонах заметят, что я в сознании, меня, кажется, ждет участь подопытного кролика.

Первое, что я увидела, — камень. Серый, грубый, древний камень, из которого были высечены стены, пол и, кажется, даже воздух здесь был каменным. Высоченные своды терялись где-то в темноте, которую не могли разогнать даже десятки свечей, стоящих повсюду. Это был не подвал и не бункер. Это был зал. Самый настоящий средневековый замковый зал, только вместо рыцарей и факелов — сплошная оккультная лавка старьевщика.

Вдоль стен, как солдаты на параде, выстроились дубовые шкафы. Древние, потемневшие до черноты, с резными ручками в виде змеиных голов. На полках теснились богатства: банки с мутными жидкостями, в которых плавало нечто, напоминающее глаза или заспиртованных лягушек; пучки трав, свисающие вниз сухими лапками; кристаллы, размером с мой кулак, пульсирующие тусклым светом; и книги. Огромные, пыльные фолианты в кожаных переплетах, которые, судя по виду, могли либо сделать тебя всемогущей, либо

сожрать тебя, пока ты читаешь.

В центре этого бедлама, на каменном полу, гордо возвышался котел. Настоящий, чугунный, на массивной треноге. Под ним плясал огонь, а внутри что-то булькало и плевалось зеленой слюной. Пар от этого варева пах так, словно здесь сожгли аптеку, а потом добавили туда пряностей с базара в Стамбуле.

Над котлом склонились три фигуры в черных плащах. Те самые, чьи голоса я слышала. Капюшоны скрывали лица, но было видно, как они сосредоточены. Одна методично мешала зелье длинной деревянной ложкой, делая это с таким видом, будто варит суп для роты солдат. Вторая водила руками над поверхностью котла, что-то шепча — от ее пальцев в пар уходили едва заметные серебристые искры. Третья, сгорбившись, записывала результат в книгу, то и дело макая перо в чернильницу, привязанную к поясу.

Их голоса, приглушенные шипением зелья, долетали до меня обрывками.

— Эликсир готов. Осталась малость — добавить каплю ее крови, когда очнется. Чтобы закрепить привязку, — сказала та, что мешала.

— А если не очнется? — резонно спросила вторая, не отрывая рук от котла.

— Значит, ошибка в расчетах. Тогда ищем новый объект. Но ресурсов на повторный переход у нас не так много, — отрезала третья, скрипя пером.

У меня внутри все похолодело. Новый объект? Это я сейчас объект? Кровь? Каплю?! Да вы с ума сошли, тетеньки! Я судорожно сглотнула, пытаясь унять дрожь, и тут мой взгляд, мечущийся по комнате в поисках выхода, наткнулся на кое-что еще.

В стороне, метрах в пяти от меня, стоял еще один каменный стол. Такой же длинный, холодный, с выбитыми по краям странными символами. На нем, вытянувшись струной, лежала девушка. Белое лицо, закрытые глаза, дорогой брючный костюм, волосы аккуратно уложены. Я моргнула. Потом еще раз.

ЭТО ЖЕ Я!

Это было мое тело! То самое, в котором я еще пару часов назад наслаждалась запахом мокрых листьев и мечтала о чае! Оно лежало неподвижно, и только легкое, едва заметное движение груди говорило о том, что оно еще живо.

А потом я посмотрела на свои руки.

Руки, которыми я сейчас опиралась о холодный камень, были другими. Тонкие, бледные, с длинными, словно точеными пальцами. На запястье висел тяжелый серебряный браслет, покрытый рунами, которые слабо мерцали в полумраке. Я поднесла руку к лицу. Моя? Нет. Чужая. Чужая, идеальная, с перламутровым блеском на коже, будто я только что вышла из спа-салона.

— А-а-а-а! — вырвалось у меня, но я тут же зажала рот ладонью. Поздно.

Все три фигуры разом повернулись ко мне. Ложка замерла над котлом, шепот прекратился, перо выпало из рук. Тишина повисла в зале, нарушаемая только шипением зелья.

Одна из них, та, что была ближе, медленно сняла капюшон. Под ним оказалось лицо... красивое. Даже очень. Острые скулы, пухлые губы, глаза такого яркого, изумрудного цвета, что в них можно было утонуть. И волосы. Зеленые. Ярко-зеленые, как молодая трава, длинные, струящиеся до пояса. Она улыбнулась, и от этой улыбки у меня по спине пробежал табун мурашек.

— Добро пожаловать, ведьмочка, — мурлыкнула она, голос у нее оказался низким и тягучим, как мед. — Ритуал удался. Ты теперь в нашем мире.

Ведьмочка? Я? Я, которая в последний раз держала в руках магическую книгу, когда читала «Гарри Поттера» в двенадцать лет? Я уставилась на нее, чувствуя, как в голове медленно закипает паника.

— Где я?! Что происходит?! — закричала я, голос сорвался на визг. — Это ваши шутки? Это розыгрыш? Скрытая камера? Где КВН?!

Зеленоволосая переглянулась с подругами, которые тоже скинули капюшоны. Вторая оказалась рыжей, с россыпью веснушек на носу и глазами цвета карамели. Третья — высокая, бледная, с седыми волосами, заплетенными в сотни косичек, и фиолетовыми глазами без зрачков. Жуть.

— Какая забавная, — хмыкнула рыжая. — Действитель-

но, свежая душа. Ничего не знает о нашем мире.

— Тем лучше, — отрезала фиолетовоглазая. — Меньше придется переучивать. Итак, дитя, слушай сюда и запоминай.

Зеленоволосая шагнула ко мне, грациозно покачивая бедрами. Она была высокой, а я в этом новом теле — мелкой. Пришлось задирать голову.

— Теперь ты — ведьма Элиара. Наша сестра по ковению. Она погибла при неудачном эксперименте, а нам срочно нужна ведьма при дворе владыки. Очень срочно, — она выделила последние слова. — Поэтому мы выдернули первую попавшуюся душу из соседнего мира и вселили в ее тело.

— А мое? — я ткнула пальцем в сторону стола, где лежала моя старая «тушка». — А это что?!

— А это теперь вместилище для души нашей сестры Элиары, — пожала плечами рыжая, будто речь шла о перестановке мебели. — Если, конечно, она вообще сможет в него войти. Слишком уж оно... обычное. Не магическое.

Я села на столе, игнорируя слабость в ногах. Голова шла кругом.

— То есть вы хотите сказать, — медленно, чеканя каждое слово, начала я, — что я теперь застряла в теле какой-то мертвой ведьмы, а мое собственное тело валяется на столешнице, как кусок мяса, и вы собираетесь заселить туда душу вашей подружки, которая, видимо, сейчас болтается где-то в астрале?

Зеленоволосая одобрительно кивнула.

— Ты быстро схватываешь. Мне это нравится.

— ДА ВЫ С УМА СОШЛИ! — заорала я, вскакивая на ноги. Ноги в этом теле оказались длинными, и я чуть не рухнула обратно, но удержалась, вцепившись в край стола. — Я требую, чтобы меня вернули обратно! Немедленно! Это похищение! Насилие! Я буду жаловаться! В ООН! В Greenpeace! Путину!

Женщины переглянулись. Фиолетовоглазая вздохнула с таким видом, будто ей надоел капризный ребенок.

— Обратного пути нет, — отрезала она. — Портал одно-разовый. Ты здесь, и это навсегда. Смирись.

— НЕТ! — я топнула ногой. — Я не смирюсь! Я не ведьма! Я бухгалтер! Вернее, менеджер! Я умею только работать в Excel и делать кофе! Какая из меня ведьма?!

Рыжая хихикнула, прикрыв рот ладошкой.

— Excel? Это какое-то боевое заклинание?

Я зарычала от бессилия. Но не успела я придумать новый план побега (а в голову лезло только разбить окно, но окон тут не было), как зеленоволосая вскинула руки. Ее глаза полыхнули изумрудным пламенем, и воздух в центре комнаты начал искриться.

— Время вышло, ведьма Элиара. Владыка ждет. Он не любит, когда опаздывают, — провозгласила она.

Синие молнии, шипя и потрескивая, заплясали в воздухе, сплетаясь в овальный проем. За ним я увидела что-то неяс-

ное, мутное, похожее на поверхность воды, если смотреть на нее изнутри. Пахло озоном и грозой. Меня чуть не стошнило от страха. Я попятилась назад.

— Нет! Стойте! Я не пойду! Я никуда не пойду! Верните меня домой, идиотки! Слышите?! — заорала я что есть мочи.

Но зеленоволосая, не обращая внимания на мои крики, схватила меня за руку. Ее пальцы сомкнулись на моем запястье железной хваткой. Я дернулась, пытаюсь вырваться, но силы были неравны. Рыжая подтолкнула меня сзади.

— Удачи, сестричка! — крикнула она. — Не опозорь ковен!

— НЕЕЕЕТ!

Я споткнулась о край порога, влетела в этот сияющий водоворот, и мир вокруг взорвался. Меня крутило, вертело, швыряло из стороны в сторону, в ушах свистел ветер, в глазах мелькали разноцветные искры. А потом все кончилось так же резко, как и началось. Я вылетела из портала, как пробка из бутылки шампанского, и со всего маху врезалась во что-то твердое и горячее.

Удар был знатный. Я отскочила от этого «чего-то», как резиновый мячик, пролетела метр и приземлилась на пятую точку, больно приложившись копчиком об пол. Каменный, между прочим.

— Ай! — взвыла я, потирая ушибленный локоть. — Да что ж такое! Они там все с ума посходили?!

— Осторожнее, ведьмочка, — раздался прямо надо мной низкий, насмешливый голос. Такой голос мог бы принадлежать или очень самоуверенному диктору на радио, или тому, кто привык, что все вокруг его боятся. — Или ты всегда так эффектно врываешься в королевские залы? Через портал и на пятой точке? Новый метод, надо будет запомнить.

Я замерла. Медленно, очень медленно подняла голову. И забыла, как дышать.

Передо мной стоял ОН.

Высокий. Очень высокий. С длинными, волнистыми, платиновыми волосами, которые свободно спадали на широкие плечи. Одет он был в расшитую золотом мантию, под которой угадывалась фигура атлета, а не худосочного библиотекаря. Но главное — глаза. Ярко-синие, как бездонное летнее небо, они смотрели на меня сверху вниз с таким выражением... иронии, смешанной с откровенным интересом. На красивых, четко очерченных губах играла легкая, хищная усмешка.

Это был не просто мужчина. Это было ходячее искушение. Смертельный номер. Мужчина, глядя на которого любая нормальная девушка забывала, как ее зовут, и зачем она вообще сюда пришла. Но я была не в себе. Я была в ярости. И шок от осознания, что я в чужом теле и другом мире, вытеснил все остальные чувства, включая, к сожалению, чувство самосохранения. Я вскочила на ноги, отряхнула длинную юбку (когда я успела переодеться в это платье?!) и уста-

вилась на него снизу вверх.

— Ты кто такой вообще?! — выпалила я, тыча в него пальцем. Палец, кстати, дрожал. То ли от страха, то ли от злости. — И почему эти полоумные бабки в балахонах толкнули меня сюда?! Это произвол! Это похищение! Я требую адвоката! Немедленно! Или... как у вас тут называется суд?! Гильдия палачей? Совет магов?

Он моргнул. Похоже, такого приема он не ожидал. Усмешка на его лице стала шире, и в синих глазах зажглись веселые искры.

— Адвоката? — переспросил он, и его голос прозвучал как бархатный бас. — В нашем мире, милая, мы предпочитаем решать споры мечами. Или магией. Иногда и тем, и другим одновременно. — Он сделал шаг ко мне, наклоняясь ближе. От него пахло сандалом, дымом и чем-то неуловимо мужским, отчего у меня внутри все перевернулось. — Так, значит, слухи оказались правдивы? Не все ведьмы — чопорные зануды в серых платьях. Некоторые, оказывается, еще и огонь.

— Какие слухи?! — взвизгнула я, чувствуя, как щеки заливает жаром. Еще и краснеть в чужом лице мне не хватало! — И я тебе не «милая»! Я не ведьма! Я не Элиара, понятно?! Я... я Ольга! Обычная девушка из Москвы! Меня украли! Переселили! Я хочу домой, к маме, к чаю и к сериалам!

Он откинул голову назад и рассмеялся. Громко, искренне, заливисто. Смех у него оказался таким же красивым, как и

он сам.

— Ольга из Москвы, — повторил он, смакуя каждое слово. — Забавно. Никогда не слышал о таком королевстве. Оно далеко? За Гиблыми землями?

— Это не королевство! Это город! Страна! В другом мире! В моем мире, черт тебя дери! — я топнула ногой. — Слушай, красавчик, я понимаю, ты тут, видимо, местный начальник, раз так разоделся. Верни меня обратно! Открой портал, позови этих трех ненормальных в капюшонах, сделай что-нибудь! Или я...

— Или ты что? — он приподнял одну бровь. Жест был убийственно красив. — Устроишь революцию? Сожжешь дворец? Превратишь меня в жабу?

Я задохнулась от возмущения. Он издевается! Он просто издевается надо мной!

— Я... я... — я сжала кулаки, чувствуя, как внутри закипает какая-то странная энергия. — Я устрою тут такое... такое... Вы все у меня попляшете!

Он снова рассмеялся, но теперь в его смехе слышались новые нотки. Не насмешка, а скорее... предвкушение?

— Знаешь, Ольга из Москвы, — произнес он, и его синие глаза блеснули. — А мне, пожалуй, начинает нравиться наша новая придворная ведьма. Во дворце давно не было так весело.

Он выпрямился во весь свой внушительный рост и окинул меня взглядом, от которого у меня мурашки побежали

по спине. Но это были не мурашки страха. Это было что-то другое. Что-то горячее и очень опасное.

— Добро пожаловать во дворец, дорогая, — усмехнулся он. — Надеюсь, ты продержишься здесь дольше, чем предыдущая ведьма. Та, кстати, продержалась всего три дня. Говорят, ее съел дракон. Или она сама сварилась в котле. Я уже не помню.

Я сглотнула. Дракон? Сварилась?

Я огляделась по сторонам. Мы стояли в огромном зале, еще более роскошном, чем каменная пещера ведьм. Золото, мрамор, хрустальные люстры, огромные окна в пол, за которыми виднелось ночное небо с двумя лунами. Две луны, Карл! Две!

— Съели? — пискнула я.

— Ага, — кивнул блондин, и его улыбка стала просто ослепительной. — Но ты не бойся. Я буду за тобой присматривать. Обещаю.

В его голосе было столько хищной, опасной ласки, что я поняла: пропала. Я пропала. Причем по всем фронтам. Я в другом мире, в чужом теле, без денег, без документов, без обратного билета, и надо мной нависает местный правитель, который выглядит так, что хочется одновременно сбежать и наброситься на него с поцелуями.

И что мне теперь со всем этим делать?

Дорогие читатели! Пока Вы ждете продолжение, предла-

гаю Вам заглянуть в гости к еще одной очень интересной истории...

Раб в подарок

Тая Шуи

<https://litnet.com/shrt/8UyC>

ТАЯ ШУИ

Глава 3. Мои новые старые хоромы

— Прошу, госпожа ведьма. Ваши покои.

Дверь распахнулась с таким душераздирающим, тоскливым скрипом, словно здесь не открывали уже лет сто. Девушка-служанка, худенькая и большеглазая, испуганно шмыгнула в сторону, вжимая голову в плечи так, что, казалось, пытается спрятать её внутри себя. Я глубоко вздохнула, собираясь с мыслями, и перешагнула порог.

И выпала из реальности.

Это было даже не разочарование. Это был культурный шок в чистом виде, от которого захотелось немедленно закрыть глаза, а открыть их уже в нормальной гостинице, с горячей водой и вай-фаем. Комната оказалась большой, с высоченным каменным потолком, теряющимся в полумраке, но производила впечатление не уютного будуара, а сыроватого подвала, который забыли достроить. Вдоль стен громоздился холодный серый камень, кое-где тронутый нездоровой сыростью, в углах висела пыльная паутина, а единственное окно-бойница было затянуто мутным бычьим пузырем, сквозь который гуляли сквозняки похлеще, чем на улице. По спине тут же пробежал неприятный холодок.

В центре, на небольшом возвышении, стояло нечто, что местные, видимо, с гордостью именовали кроватью. Огромное деревянное ложе, грубо сколоченное из мощных досок,

было застелено целым ворохом каких-то шкур. Поверх них небрежно бросили колючее на вид шерстяное одеяло. Ни подушки, ни намек на простыню. Ничего.

— Это... кровать? — мой голос сел до сиплого шепота. Я даже не сразу его узнала.

— Да, госпожа. Лорд Владыка велел постелить свежие шкуры. Самые лучшие. Медвежьи, — с неподдельной гордостью в голосе сказала служанка.

Медвежьи. Лучшие. Прекрасно. Буду спать, как древний охотник на мамонтов, только костра в центре пещеры не хватает. Я мысленно застонала.

Сделав шаг вглубь этого великолепия, я нос к носу столкнулась с главным, самым животрепещущим ужасом этого мира. За жалкой, полупрозрачной ширмой в углу, призванной, видимо, создавать иллюзию уединения, стояло ОНО. Обычное деревянное ведро с крышкой.

Я замерла, чувствуя, как краска медленно отливает от лица. В голове набатом застучало: «Нет. Этого не может быть. Мне это чудится».

— А это... что? — спросила я, хотя ответ уже был написан на лице служанки, которая густо покраснела до корней волос.

— Ночной горшок, госпожа, — прошептала она, не поднимая глаз. — Я буду менять его каждое утро. Обещаю.

Я закрыла глаза ладонью. Ночной горшок. Ведро. В двадцать первом веке я бы вызвала сантехника, если бы вода

была чуть теплее обычного. А здесь мне, привыкшей к теплему полу с подогревом и симфонии из шести режимов подмыва, предстояло справлять нужду в ведро. Я мысленно досчитала до десяти, потом до двадцати. Сработало плохо.

— Вода? — спросила я, с трудом разлепив пересохшие губы. — Чтобы руки помыть? Где умывальник?

Девушка уставилась на меня так, будто я заговорила на древнеисландском. Растерянно захлопала ресницами.

— В кувшине, госпожа. — Она поспешно указала на грубый стол, где сиротливо стоял глиняный кувшин и точно такой же таз. — Я приношу свежую воду каждое утро из колодца. Самая чистая, с самого утра.

Я подошла к столу и заглянула в кувшин. На дне плескалось примерно пол-литра ледяной воды. На всё про всё — умыться, почистить зубы (чем, кстати?), выпить. Я представила, как пытаюсь помыть голову этим количеством воды, и мне стало дурно.

Я обвела взглядом комнату. Холодный камин, черный и пустой, зиял провалом, как беззубый рот. В углу рядом с ним валялась жалкая кучка веток и полешек, которой хватило бы от силы на час горения.

— Дрова где?

— Внизу, госпожа. В дровянике. — Лия часто закивала. — Если холодно, я могу попросить конюха или мальчика натаскать. Они принесут, только скажите.

— Попроси. — Я потерла виски кончиками пальцев, пы-

таясь унять начинающуюся мигрень. — Давай знакомиться. Как тебя зовут?

— Лия, госпожа.

— Лия, слушай меня очень внимательно. Мне нужно, чтобы ты кое-что запомнила. — Я тяжело присела на край медвежьей кровати, стараясь не дышать носом, потому что от шкур разило зверинцем и застарелой шерстью. — Первое и самое главное: камин должен гореть всегда. Не тогда, когда мальчик вспомнит, не когда ему удобно, а всегда. Днем и ночью. Второе: воды нужно в два раза больше. Утром и вечером. Я буду мыться. Вся целиком, каждый день. Ты понимаешь?

Лия побелела так, что стала похожа на стену за своей спиной.

— Но холодно же, госпожа! Вода ледяная, — выпалила она испуганно. — Простынете же, заболеть можно!

— Лучше простыть, чем вонять, Лия, — отрезала я. Это было не обсуждаемо. — Третье: мне нужно что-то получше, чем это ведро. — Я кивнула в сторону ширмы. — Что-то керамическое, с удобной крышкой, чтобы можно было сливать и чтобы не воняло на всю комнату. Узнай у старшей служанки, может, есть что-то похожее. И последнее. У вас есть график уборки?

— Чего? — Лия моргнула, явно решив, что у меня окончательно и бесповоротно поехала крыша. Страх в её глазах сменился острым любопытством сумасшедшего.

— График. Расписание, — терпеливо, как маленькой, объяснила я. — Чтобы комната убиралась каждый день. Пыль вытереть, пол вымыть, постель проветрить и взбить. Ты понимаешь, что такое чистота?

— Госпожа, здесь же кругом камень, — растерянно обвела она рукой комнату. — Пыли-то и нет почти. А мусор я вымету, если намусорите. Зачем же каждый день?

Я закрыла лицо руками. Мы говорили на разных языках. Мы были из разных цивилизаций, разделенных тысячелетием эволюции быта.

— Ладно. — Я глубоко вздохнула. Опустила руки. — Давай сделаем проще. Ты приходишь утром: свежая вода в кувшине, дрова, забираешь... ведро. Днем забегаешь — проверить, не нужно ли чего, не погас ли камин. Вечером — снова вода и дрова на ночь. И каждый день моешь пол. Не раз в неделю, а каждый день. В углах, под кроватью, везде. Договорились?

Лия смотрела на меня с неподдельным ужасом и... восхищением. Кажется, она уже мысленно пересказывала этот бред другим служанкам на кухне, размахивая руками.

— Я попробую, госпожа, — пролепетала она, пятясь к двери.

— Умница. Ступай. И пришли мне мальчика с дровами. Срочно.

Лия выскочила за дверь пулей, даже не прикрыв её за собой. Я осталась одна в тишине, холоде и удушающем медве-

жьем запахе. Подошла к куче веток — при ближайшем рассмотрении это оказались нормальные, колотые поленья. Но разжечь их без розжига, без бумаги, без жидкости для розжига в камине, который, судя по слою сажи, не видел огня с прошлой зимы...

Я чиркнула кресалом, которое нашла на каминной полке. Раз. Другой. Третий. Искры с шипением летели в стороны, гасли на холодном камне, иногда обжигая пальцы. Ничего не загоралось. Пальцы заоченели, дыхание сбилось от злости и бессилия.

— Да чтоб тебя! — рявкнула я, когда очередная особо злая искра предательски обожгла руку, заставив меня отдернуть ладонь и зашипеть от боли.

Дверь позади скрипнула без стука.

— Ты всегда разговариваешь с предметами или это такая новая магия?

Этот голос... Низкий, бархатистый, с опасной ленивой хрипотцой. Я замерла, чувствуя, как по спине побежали мурашки, не имеющие никакого отношения к холоду. Медленно обернулась.

Владыка стоял в дверях, лениво прислонившись плечом к косяку и скрестив руки на груди. Насмешливый, расслабленный, смертельно опасный. Он даже не потрудился постучать.

— А постучать? — выпалила я, чувствуя, как внутри закипает праведный гнев. Право на личное пространство еще никто не отменял!

— Зачем? — Он лениво приподнял одну бровь. — Это мой замок. — Он сделал паузу, скользнув по мне оценивающим взглядом. — Я должен проверить, как устроилась ведьма. Убедиться, что не замышляешь ничего против меня.

— Я замышляю только одно — как не умереть здесь от холода и отсутствия элементарных удобств! — Я уперла руки в бока, совершенно забыв о глубоком декольте, которое мне соорудили служанки. Его взгляд на долю секунды скользнул по вырезу, и усмешка на его губах стала чуть шире, откровеннее.

— Не так разжигаешь, — сказал он вместо ответа. Отлепился от косяка и плавно, по-кошачьи, подошел ко мне вплотную. Я физически ощущала жар его большого тела у себя за спиной. — Смотри.

Его рука протянулась мимо меня, ловко перехватывая кресало из моих пальцев. Он встал почти вплотную, плечом к плечу, и я чувствовала тонкий запах дорогой кожи, дыма и чего-то еще, неуловимо мужского. Он чиркнул раз, другой — и трут послушно задымился. Через минуту в камине весело, с аппетитом, затрещал огонь, жадно пожирая сухую кору.

— Вот так, — он развернулся ко мне. Мы стояли лицом к лицу. Слишком близко. Нарушая все мыслимые границы. В его синих, как горное озеро, глазах плясали золотистые отблески пламени. — Не только руки и голова нужны, но и сноровка.

— Спасибо, — выдохнула я, пытаюсь унять бешеный стук

сердца.

Он не отходил. Смотрел долго, тяжело, изучающе, словно видел впервые. А потом перевел взгляд на мою спину и усмехнулся уже откровенно весело, расслабленно.

— Корсет. Ты сама одевалась?

Я машинально завела руку назад и нащупала пальцами сбившийся в плотный ком узел шнуровки. Платье висело на мне мешком, перекошенное и неудобное.

— Служанки одевали. Видимо, решили, что я сама справлюсь с завязками, раз я такая самостоятельная ведьма.

— Повернись.

— Зачем? — тут же насторожилась я, инстинктивно делая шаг назад.

— Хочешь ходить чучелом и пугать местных крестьян? — хмыкнул он. — Повернись, поправлю.

Я поколебалась секунду, но здравый смысл подсказывал, что с неудобной, перекошенной одеждой надо что-то делать. Идти на поклон к служанкам еще раз? Унизительно. Я медленно, неохотно повернулась к нему спиной.

Его пальцы легли на шнуровку, и по моей спине, прямо сквозь тонкую ткань платья, будто провели раскаленным прутом. Он не торопился. Совсем. Медленно, с какой-то пугающей нежностью распутывал узлы, осторожно поправлял спутанные лямки, затем начал затягивать шнуровку заново, плотно, но не туго. Каждое его прикосновение сквозь тонкую ткань отдавалось во всем теле жаркой, сладкой волной,

от которой подкашивались колени.

— Слишком туго? — его голос раздался прямо у моего уха, дыхание коснулось шеи, заставив вздрогнуть.

— Н-нормально, — выдавила я, боясь сделать лишний вдох. Слова застревали в горле.

— Дыши глубже. Корсет создан, чтобы подчеркивать фигуру, а не душить свою хозяйку.

Его руки скользнули ниже, поправляя ткань на талии, разглаживая невидимые складки. Я зажмурилась, прикусив губу. Это была сладкая пытка. До мурашек, до дрожи, до желания провалиться сквозь землю или, наоборот, повернуться и...

— Готово, — его голос вдруг стал ниже, хриплее. Руки замерли на моей талии, но он не убирал их. — Ольга.

Я обернулась в тесном кольце его рук. Мы снова лицом к лицу. Слишком близко. В его глазах уже не было насмешки. Там плескалось что-то темное, глубокое и обжигающе горячее, отчего воздух между нами, казалось, заискрил.

Он медленно, словно давая мне время отстраниться, поднял руку и убрал непослушную прядь волос, упавшую мне на лицо. Пальцы скользнули по щеке — легко, едва касаясь, но обжигая до костей. У меня перехватило дыхание. Сердце колотилось где-то в горле, гулко, отдаваясь в висках. Мой взгляд сам собой упал на его губы. Тишина в комнате стала звенящей, нарушаемой только треском дров в камине. Напряжение витало в воздухе, густое, как патока.

— Красивая, — сказал он тихо, будто сам себе, пробуя слово на вкус. — Очень.

Я открыла рот, чтобы сказать хоть что-то, сбросить это наваждение, вернуть нас в реальность, но он вдруг улыбнулся одними уголками губ — и резко, неожиданно, отпустил меня. Отступил на шаг, разрывая зрительный контакт.

— Отдыхай, ведьма. Завтра трудный день. Местные дамы уже точат на тебя свои хорошенькие зубки.

Я судорожно вздохнула, пытаюсь унять противную дрожь во всем теле. В голове гудело.

— Справляюсь. Я не из пугливых.

— Уверена? — в его глазах снова зажглась знакомая усмешка. — Они тут зубастее драконов. Сожрут и не подавятся.

— Я кусаюсь в ответ, — выпалила я первой, что пришло в голову.

Он рассмеялся. Громко, открыто, запрокинув голову, обнажая красивую шею. И вышел вон, даже не взглянув на прощание. Только тяжелая дверь жалобно скрипнула, закрываясь за ним.

Я стояла посреди комнаты, прижимая ладонь к щеке, которой он касался. Смотрела на дверь. Потом на весело горящий камин. Потом снова на дверь.

— Спятил? — спросила я у пустоты сиплым шепотом. — Я спятила? Он спятил? Что это вообще было?

Огонь весело потрескивал в камине, отбрасывая пляшу-

щие тени на каменные стены. Стало заметно теплее. Но перед глазами стояли его синие глаза, его кривая усмешка, тепло его пальцев на моей коже, его голос, шепчущий «красивая».

— Черт бы тебя побрал, Владыка, — выдохнула я в пустоту, чувствуя, как горят щеки, и без сил падая спиной на ворох медвежьих шкур. Я смотрела в темный потолок, но сна не было ни в одном глазу. Только стук собственного сердца и этот навязчивый, опасный образ.

От казни до свадьбы – одна шутка

Анна Крылатая

<https://litnet.com/shrt/aL92>

АННА
КРЫЛАТАЯ

Глава 4. Завтрак с хищником

— Госпожа, просыпайтесь! Владыка ждет вас на завтрак!

Голос Лии ворвался в мое сознание, как крик чайки, влетевшей в открытую форточку. Резкий, пронзительный и невероятно навязчивый.

Я села на кровати, жадно хватая ртом воздух, будто вынырнула из глубокого омута. Завтрак? Владыка? В ушах еще гудел сон, а перед глазами все плыло. Я взглянула в узкое стрельчатое окно — солнце стояло уже высоко, заливая каменный пол яркими, немилосердными лучами. Было подозрительно светло для раннего утра.

— Который час, Лия? — мой голос осип от сна.

— Уже почти полдень, госпожа! — Лия всплеснула руками. — Все придворные давно в сборе! Владыка уже спрашивал о вас!

Полдень. Я проспала полдня. Отлично. Просто великолепно. Вскочив с вороха медвежьих шкур, я едва не рухнула обратно. Ступни коснулись ледяного каменного пола, и по ногам будто ударило разрядом тока. Дыхание перехватило от холода.

— Лия! — взвыла я, прыгая на одной ноге. — Где мои тапки?! Тут же пол из ледника!

Процесс одевания занял, как мне показалось, целую вечность. Лия носилась вокруг меня, как ураган, вытаскивая из

огромного резного шкафа одно платье за другим. Они мелькали перед глазами: золотое, серебристо-серое, бордовое с черным кружевом, синее с глубоким вырезом... Каждое казалось мне верхом неприличия — слишком откровенное, слишком тяжелое, слишком... богатое.

В итоге мы остановились на темно-зеленом платье, напоминающем цветом лесную хвою. По подолу и широким рукавам шла искусная золотая вышивка — причудливые листья и цветы.

— Оно очень красивое, госпожа, — щебетала Лия, ловко затягивая шнуровку на спине. Мне казалось, что корсет сжимает ребра. — И цвет вам удивительно идет. Подчеркивает глаза.

— Оно с декольте, — мрачно заметила я, вглядываясь в мутное старинное зеркало. Вырез и правда был глубже, чем хотелось бы. Не то чтобы я была ханжой, но выставять напоказ то, чего почти нет, казалось мне странной затеей.

— Это очень скромное декольте, госпожа! — Лия даже остановилась, пораженная моей недалекостью. — Вот у леди Изель такое, что если она наклонится, то можно завтрак изучать, не глядя на стол! Вы бы ахнули!

Я вздохнула и махнула рукой. Ладно. Будь что будет. В этом мире, видимо, действуют другие законы моды. Лия тем временем колдовала над моими волосами, укладывая их в замысловатую высокую прическу. В ход пошли шпильки, гребни и несколько нитей мелкого жемчуга, которые она ис-

кусно вплела в пряди.

Наконец она отступила на шаг, любуясь делом своих рук. Я снова посмотрела в зеркало и увидела незнакомку. Худую, бледную, с огромными глазами на точёном лице и осиной талией, перетянутой корсетом. Из зеркала на меня смотрела настоящая леди из другого мира.

— Красиво, — выдохнула Лия. — Настоящая ведьма. Ну, то есть... леди, похожая на ведьму из старых легенд, — поправилась она.

— Спасибо, — кисло улыбнулась я своему отражению. — Веди уже к этим твоим хищникам. Показывай, где у них логово.

Трапезная оказалась огромным залом, который поражал воображение. Высочайшие сводчатые потолки терялись в сумраке, но были расписаны искусными фресками: драконы в огне битв, воины в доспехах, прекрасные девы на башнях. Длинный стол, накрытый на добрых три десятка персон, ломился от яств. Золотая посуда слепила глаза в свете сотен свечей, которые горели в тяжелых кованых канделябрах даже в полдень, создавая торжественный полумрак.

Но главным «убранством» этого зала были люди.

Их собралось около двадцати, и все, как по команде, повернули головы в мою сторону, едва я переступила порог. Двадцать пар глаз — изучающих, оценивающих, холодных. У меня внутри все сжалось в тугой узел, но я заставила себя идти дальше, размеренно ступая по каменному полу.

Дамы. Тощие до невозможности, словно их не кормили неделями. В платьях с декольте, которые полностью подтверждали слова Лии — мое было поистине монашеским на их фоне. У многих одинаковые жемчужные ожерелья на шеях, похожие прически и одинаковые хищные улыбки, наклеенные на лица, как маски. Глаза — оценивающие, цепкие, холодные. Они разглядывали меня, как новую игрушку.

Лорды. Напыщенные, в расшитых золотом камзолах, с бочками в холеных руках. Некоторые смотрели с праздным интересом, но пара взглядов скользнула по фигуре с откровенной, плотоядной похотью, от которой захотелось прикрыться чем-нибудь тяжелым, например, тем самым золотым блюдом с поросенком.

А во главе стола — ОН.

Владыка восседал в массивном резном кресле, больше похожем на трон. Темно-бордовая мантия, распущенные темные волосы, падающие на плечи, и насмешливый, чуть прищуренный взгляд синих глаз. Он смотрел на меня с таким выражением, будто ждал представления.

— А вот и наша ведьма, — произнес он, и его низкий голос прозвучал в звенящей тишине, как удар колокола. От него по коже пробежали мурашки. — Проходи. Садись рядом. — Он указал на стул справа от себя.

Рядом. С ним. Под двадцатью парами глаз, которые сейчас, кажется, начали прожигать во мне дыры. Я почувствовала, как на моей спине скрестились взгляды дам, как они

синхронно прищурились, мгновенно оценив угрозу.

— Рядом? — переспросила я на всякий случай, надеясь, что ослышалась.

— Ты глуховата? — усмехнулся он, и в его глазах мелькнуло веселье. — Или ждешь приглашения на золотом блюде, как главное блюдо?

Я сделала глубокий вдох, стараясь унять бешено колотящееся сердце, и двинулась к столу. Каждый мой шаг отдавался гулким эхом под сводами. Слуга в ливрее метнулся ко мне и отодвинул тяжелый стул — справа от Владыки. Почетное место. Место королевы или... фаворитки. Я села, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, и уставилась в тарелку.

Слуга тут же склонился надо мной, источая запах розовой воды и воска:

— Что пожелаете откусать, госпожа?

Я обвела растерянным взглядом стол. Чего там только не было! Жареные птицы, покрытые хрустящей корочкой, запеченные поросята с яблоками в пастях, многоярусные пироги, заливное, дрожащее в хрустальных вазах, горы диковинных фруктов. Ничего привычного моему глазу и желудку.

— А... попроще ничего нет? — робко спросила я, чувствуя себя полной дурой. — Ну, каша там какая-нибудь... Или яичница с беконом.

Слуга замер с открытым ртом. Его глаза округлились.

— Каша, госпожа? — переспросил он таким тоном, будто я попросила сырую лягушку.

— Каша. Овсяная. С молоком. Или рисовая, — уточнила я, не понимая причины его ступора.

За столом повисла звенящая, просто гробовая тишина. Какая-то дама поперхнулась вином и закашлялась, прикрываясь веером. Лорд, сидевший напротив, уронил нож, который со звоном ударился о тарелку.

Владыка закашлялся, прикрывая рот кулаком. Я готова поклясться, что он не кашлял, а давился смехом. Его плечи мелко подрагивали.

— Каша, — повторил он с расстановкой, смакуя это слово. — Ты просишь кашу.

— А что такого? — я огляделась, начиная закипать. — Нормальная еда. Полезная. С утра самое то.

— Милая, — он наклонился ко мне, и в его глазах откровенно плясали чертики. — Здесь, во дворце, кашу едят только крестьяне. И собаки. Иногда те и другие вместе. За одним столом, представляешь? — он говорил тихо, но в тишине его шепот, наверное, был слышен всем.

Я почувствовала, как щеки заливает жаркая краска стыда. Ну вот, Ольга, ты и отличилась. Первый выход в свет — и сразу в лужу.

— О, — выдавила я, мечтая провалиться сквозь каменный пол. — Я не знала. Простите. Тогда просто дайте хлеба, белого, и масла. Если можно.

Слуга заметался, бросая растерянный взгляд на Владыку. Владыка едва заметно махнул рукой, разрешая, и снова на-

клонился ко мне:

— Ты видела их лица? — прошептал он мне на ухо, обжигая дыханием. — Это просто прекрасно. Я лет сто так не веселился.

Я покосилась на дам. Они оживленно шептались, прикрываясь веерами, и косились в мою сторону с откровенной злобой и насмешкой. Особенно выделялась одна — роскошная блондинка с холодными серыми глазами и идеальной осанкой, сидевшая ближе всех к Владыке. Ее декольте и правда было произведением искусства — оно начиналось почти от ключиц и заканчивалось где-то в опасной близости от талии. Бриллианты на ее шее могли бы купить небольшое королевство.

— Теперь они меня точно съедят, — вздохнула я, принимая от слуги серебряную тарелочку с ломтем белого хлеба и крошечным шариком масла.

— Посмотрим, кто кого, — усмехнулся Владыка, отпивая вино из кубка.

Долго ждать развития событий не пришлось.

Роскошная блондинка, чей взгляд буквально сверлил мне висок, поднялась из-за стола с грацией королевской лани. Она плавно, как лебедь по воде, приблизилась к нашему концу стола, излучая уверенность и превосходство.

— Ваше Величество, — проворковала она голосом, сладким до приторности, от которого у меня внутри все перевернулось. — Вы так и не представили нам новую придворную

ведьму. Мы все просто умираем от любопытства. — Она обвела рукой зал, и дамы согласно закивали, как куклы.

Владыка лениво повернул голову, откинувшись на спинку кресла.

— Леди Изель, — произнес он с легкой скукой в голосе, — позвольте представить: Ольга. Наша новая ведьма. А это, — он кивнул в сторону блондинки, — леди Изель, гроза придворных и законодательница местных мод.

Леди Изель приподняла идеальную, выщипанную в ниточку бровь и окинула меня оценивающим взглядом с головы до ног. Я буквально чувствовала, как ее глаза сканируют мое платье, прическу, лицо, задерживаясь на каждом миллиметре.

— Ольга? — протянула она, словно пробуя имя на вкус. — Странное имя. Какое-то... северное, наверное. И откуда же вы прибыли к нам, милочка? Из каких таких далеких земель?

— Издалека, — ответила я максимально нейтрально, отщипывая кусочек хлеба. Есть совсем не хотелось, кусок в горло не лез.

— Это я уже поняла, — усмехнулась она уголком идеально накрашенных губ. — У нас, знаете ли, при дворе не принято носить такие... закрытые платья. — Она сделала многозначительную паузу, давая другим дамам возможность оценить мой «недостаток». — Вы, наверное, очень боитесь холода? Или, может быть, просто скрываете что-то от посто-

ронных глаз?

Несколько дам захихикали, прикрываясь веерами. Я почувствовала, как внутри закипает глухое раздражение. Ну, сука, началось.

Я подняла на неё глаза и улыбнулась самой невинной, лучистой улыбкой, на которую была способна.

— Понимаете, леди Изель, я просто не привыкла выкладывать всё на стол в первый же день знакомства, — промурлыкала я. — В отличие от некоторых, кто, видимо, считает, что лучший способ произвести впечатление — это устроить дегустацию блюд без участия столовых приборов.

На секунду за столом повисла тишина. Леди Изель моргнула, переваривая намек. До нее дошло быстро — она машинально дернула рукой, будто хотела прикрыть вызывающее декольте, но сдержалась. Ее улыбка стала натянутой, как струна.

— Какая забавная, — процедила она сквозь зубы, и в ее голосе зазвенел металл. — А что вы вообще умеете, ведьма Ольга? Кроме как прятаться за закрытыми платьями и остроумничать за чужой спиной?

Я спокойно положила хлеб на тарелку и посмотрела ей прямо в глаза. Серые, холодные, как зимнее море.

— Достаточно, чтобы не нуждаться в публичной демонстрации, леди Изель, — пожала плечами я. — Настоящая магия — не цирковое представление. Я не фокусник, чтобы развлекать скучающую публику фокусами за завтраком.

Изель прищурилась. Ее пальцы, сжимающие резной веер, побелели от напряжения.

— То есть вы хотите сказать, что вы сильны, но не покажете ровным счетом ничего? — ее голос повисился, теряя медовые нотки. — Очень удобная позиция, ничего не скажешь. Можно сколько угодно изображать из себя великую и ужасную ведьму, просто сидя в тени его Величества и попрошайничая хлеб с маслом.

Тишина в зале стала звенящей. Даже лорды перестали жевать, отложив приборы. Все взгляды были прикованы к нам. Я чувствовала, как адреналин начинает стучать в висках.

Я медленно поставила кубок с вином, к которому так и не притронулась. Аккуратно промокнула губы салфеткой. Поднялась со стула. Леди Изель была выше меня, но я смотрела на нее снизу вверх, не моргая.

— Леди Изель, — сказала я спокойно, даже ласково, будто разговаривала с капризным ребенком. — Я прекрасно понимаю ваше жгучее любопытство. Понимаю ваше непреодолимое желание проверить, кто теперь будет главной курицей в этом уютном курятнике. Но я не собираюсь плясать под вашу дудку и выполнять команры «голос!» и «апорт!». Если вам когда-нибудь понадобится моя магия — милости прошу, приходите, когда припечет по-настоящему. Если же вам нужна война — предупреждаю сразу: я не кусаюсь. Я сразу рву глотку. Так что выбирайте свой яд, миледи, и готовьте противоядие.

У нее дернулась щека. Она открыла рот, но я, войдя в раж, не дала ей вставить ни слова. Я обвела взглядом ее декольте и добавила с искренним интересом:

— И да, вы были совершенно правы насчет платьев. Ваше действительно впечатляет. Особенно меня поражает, как оно так смело держится, рискуя упасть в любую секунду. Это какая-то особая магия? Или просто очень хороший клей?

Кто-то из лордов, не сдержавшись, фыркнул, подавившись смехом. Леди Изель побелела, потом побагровела. Ее глаза метнули в меня такую концентрацию ненависти, что, будь у нее хоть капля реальной силы, я бы уже превратилась в горстку пепла прямо на этом позолоченном стуле.

— Ваше Величество! — воскликнула она визгливо, резко поворачиваясь к Владыке. — Вы позволите этой наглой выскочке безнаказанно оскорблять меня?!

Владыка, который все это время с интересом наблюдал за нашей перепалкой, как за теннисным матчем, медленно поставил кубок на стол. Посмотрел на Изель. Потом на меня. Потом снова на Изель. Улыбнулся — довольно, по-кошачьи, сыто.

— Милая Изель, — произнес он вкрадчиво, — ты же сама спросила, какая она ведьма. Вот она тебе и ответила. По-моему, ответ был более чем исчерпывающим и очень... наглядным.

Изель застыла статуей. Она открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег, но ни звука не вылетало.

Только побелевшие губы дрожали.

— Садитесь, — добавил Владыка уже жестче, стальным тоном, не терпящим возражений. — Вы мешаете завтраку.

Изель рухнула на свой стул, который услужливо пододвинул лорд с пышными бакенбардами. Ее лицо покрылось красными пятнами, грудь высоко вздымалась от ярости, но она молчала. Пока молчала.

Я медленно опустилась на место. Руки под столом слегка дрожали, но я сжала их в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Не дождутся. Не покажу слабости.

Владыка снова наклонился ко мне, почти касаясь губами моего уха. По коже побежали мурашки, но уже другого свойства.

— Зубастее, чем я думал, — выдохнул он с явным одобрением. — Ты ей чуть голову не откусила. Я впечатлен.

— Она первая начала, — выдохнула я в ответ, чувствуя, как отпускает напряжение.

— Держи. — Он сунул мне в руку свой кубок, тяжелый, золотой, украшенный рубинами. — Выпей. Заслужила. Это смягчит нервы.

Я сделала осторожный глоток. Вино оказалось терпким, пряным, обожгло горло и приятным теплом разлилось по желудку, ударив в голову.

— Спасибо.

— Не за что. — Он смотрел на меня с непонятным выражением — смесь любопытства, уважения и чего-то еще,

более глубокого, что я не могла расшифровать. — Ты хоть понимаешь, что только что нажила себе личного, кровного врага?

— Догадываюсь.

— Изель не прощает, — предупредил он, и его голос стал серьезным. — Она будет точить на тебя зуб. Яд, кинжалы, интриги, ложь, подставы — это ее стихия. Она выросла при дворе, она знает все ходы и выходы. Спинным мозгом чувствует опасность и бьет на опережение.

Я сглотнула, но виду не подала. Страх был, липкий и холодный, но я загнала его в самый дальний угол.

— Я справлюсь, — сказала я твердо, глядя ему в глаза.

— Посмотрим, — усмехнулся он, откидываясь на спинку кресла. — Обещаю, будет интересно.

Завтрак продолжался. Леди Изель больше не смотрела в мою сторону, но я физически чувствовала ее взгляд, прожигающий дыру в моем затылке. Остальные дамы оживленно шептались, то и дело бросая на меня быстрые, любопытные взгляды. Лорды, кажется, начали смотреть на меня с уважением, смешанным с опаской.

Когда трапеза наконец подошла к концу, и Владыка поднялся, давая знак, что можно расходиться, я поймала на себе еще один взгляд. Изель проходила мимо меня, почти вплотную, и, задев плечом, прошипела мне в ухо:

— Еще пожалеешь, выскочка. Я тебя сотру в порошок.

— Не сомневаюсь, — мило улыбнулась я ей в ответ, не

разжимая зубов. — Но вам придется очень постараться. Берите лопату побольше.

Она дернулась, будто я ее ударила, и почти выбежала из зала в сопровождении двух таких же тощих дам, которые, видимо, были ее фрейлинами.

Я выдохнула. Первый раунд за мной. Но война только начиналась.

Лия, подскочившая ко мне, была бледнее свежего снега.

— Госпожа... вы... вы... — заикалась она, хватая меня за руку. — Вы поссорились с самой леди Изель! Вы... вы такая храбрая! Или безумная!

— Я в порядке, — отмахнулась я, чувствуя, как дрожь наконец-то пробивается наружу. — Веди меня в комнату. Срочно. Надо всё обдумать.

— Какую стратегию, госпожа? — Лия семенила рядом, непонимающе хлопая глазами.

— Выживания, Лия, — бросила я, ускоряя шаг. — Самую важную стратегию в этом проклятом гадюшнике.

Мы вышли в длинный, сумрачный коридор. Тяжелая дубовая дверь трапезной захлопнулась за нами, отрезая меня от мира сытых хищников. Пока отрезая. До следующей схватки.

— Лия, — спросила я, когда мы поднимались по бесконечной винтовой лестнице, держась за каменную стену. — А что это за леди Изель вообще? Чем она знаменита, кроме своего чемпионского декольте?

— Ох, госпожа, — Лия понизила голос до траурного шепота, оглядываясь по сторонам, словно из стен могли вырасти уши. — Она самая влиятельная дама при дворе уже лет пять! Ее отец — главный советник Владыки, граф Северный. Дядя — командующий всей северной армией, там тысячи мечей! А сама она... — Лия запнулась.

— Что сама?

— Она была фавориткой его Величества почти целый год, — выпалила Лия. — Говорят, он к ней очень благоволил. Осыпал подарками, брал с собой на охоту, советовался.

Я резко остановилась на лестнице, схватившись за перила.

— Что значит «была»?

— Ну... — Лия замялась, переминаясь с ноги на ногу. — Перестал приглашать к себе. Месяца два уже, а то и больше. Говорят, она ему надоела. Но она все равно считает себя главной хозяйкой при дворе. И терпеть не может конкурентов. Никаких. Особенно тех, кого Владыка сажает рядом с собой и... ну... кому он улыбается так, как вам сегодня.

Я закрыла глаза ладонью и глубоко вздохнула. Конкурентка. Вот как меня теперь воспринимают. Не как чужестранку, не как ведьму, не как новую игрушку. А как женщину, которая посмела сесть на место, которое она считает своим по праву. Рядом с ее бывшим любовником.

— Лия, — простонала я, — ты меня убить решила? Почему не сказала мне всё это сразу, пока я платье выбирала?!

— Вы не спрашивали про фавориток, госпожа! — писк-

нула она, виновато глядя на меня. — Я думала, вы знаете! Это ж все знают!

Я махнула рукой. Поздно пить Боржоми, как говорится. Поезд ушел, рельсы порваны, мосты сожжены. Теперь только вперед, по головам.

Мы дошли до моей комнаты, и я рухнула на кровать прямо в платье, раскинув руки. Шпильки впились в затылок, но мне было все равно.

— Лия, разбуди меня, если начнется пожар. Или война. Или если эта Изель решит поджечь замок вместе со мной. Или подослать убийцу.

— А ужин, госпожа? — испуганно спросила Лия. — Вас будут ждать на ужине. Владыка обязательно спросит.

Я застонала в голос, уткнувшись лицом в подушку.

— Напоминай ближе к вечеру. И приготовь мне что-нибудь... непробиваемое. Бронежилет какой-нибудь местный. Потому что сегодня будет жарко. Очень жарко.

Лия выскользнула, тихо прикрыв дверь. А я уставилась в высокий, расписной потолок.

Первый выход в свет состоялся. Первый могущественный враг приобретен. Владыка доволен и явно развлекается за мой счет. Я в самом эпицентре дворцовых интриг, о которых знаю только по книгам и фильмам.

— Ольга из Москвы, — прошептала я в тишину комнаты. — Ведьма без магии, но с острым языком и полным непониманием местных обычаев. Что может пойти не так? — я

горько усмехнулась. — Абсолютно всё.

Ответа не было. Только ветер заунывно гулял в каминной трубе, да где-то далеко во дворе лаяли собаки. Или волки. Здесь, кажется, все вокруг были волками. И я только что бросила сочную кость прямо в центр голодной стаи.

Дом париков леди Скелетти

Ния Рабин

<https://litnet.com/shrt/FxEB>

НИЯ РАБИН

Глава 5. Магическая безграмотность (откровение)

Сквозь пелену сна пробилось настойчивое, пульсирующее чувство тревоги, усиленное чьими-то грубыми прикосновениями. Меня трясли за плечо так, словно пытались разбудить мертвого.

— Госпожа! Госпожа, ради духов, проснитесь! — голос Лии, полный неподдельного ужаса и благоговения, врзался в мое сознание, разрывая остатки сновидений.

Лия. Единственный человек в этом проклятом мире, чье имя я знала. Я попыталась отмахнуться, зарыться лицом в подушку, набитую не то пухом, не то сеном.

— Лия... — мой голос прозвучал глухо, словно из бочки. — Сколько можно? Кажется, я только глаза закрыла.

— Госпожа, уже утро! — Лия была неумолима. Ее хватка на моем плече стала железной. — И к вам пришел... пришел сам магистр Орвиус! Личный наставник Владыки по магическим вопросам! Он ждет в коридоре!

Эти слова подействовали лучше ледяной воды. Я села так резко, что у меня потемнело в глазах, и пришлось схватиться за резной деревянный столбик кровати, чтобы не свалиться обратно. Магистр? Наставник самого Владыки? Сердце пропустило удар, а затем забило где-то в горле, тяжелым,

неровным пульсом.

— Что? Зачем? Зачем он пришел? — мой голос сорвался на хриплый шепот.

Лия, бледная как полотно, теребила край своего передника.

— Он сказал... для новой придворной ведьмы это обычная процедура. Оценка силы. Проверка дара. Все проходят, госпожа. Но чтобы сам магистр... это великая честь!

Честь. Оценка силы. Магии. Которой у меня не было. Вообще. Ноль. Пустота.

Меня захлестнула ледяная волна паники, от которой светло живот. Я вцепилась в руку Лии, наверняка оставляя синяки.

— Лия, — прошептала я, чувствуя, как пересыхает во рту. — Скажи ему... Скажи, что я больна! Очень больна. Лихорадка. Чума. Я при смерти! Я заразна! Скажи, чтобы он уходил и приходил через полгода!

Лия посмотрела на меня с выражением глубочайшего сочувствия, смешанного с ужасом от моей предполагаемой дерзости.

— Госпожа... он уже здесь. Я впустила его в малую гостиную. Он стоит в двух шагах от вашей двери.

Я закрыла глаза. Вот и всё. Сейчас сюда войдет могущественный маг, ткнет в меня своим посохом, увидит пустоту на том месте, где должен быть океан силы, и пойдет докладывать Владыке. А Владыка... Что сделает Владыка с той,

кто посмела выдать себя за ведьму при его дворе? Сожжет на костре? Скормит своим легендарным драконам? Или придумает что-то поизощреннее?

— Зови, — выдохнула я обреченно, чувствуя, как отступает даже страх, уступая место мрачной решимости принять неизбежное. — Чему быть, того не миновать. Русская народная мудрость, мать её.

Лия выскочила за дверь, шурша юбками. Я же, повинувшись животному инстинкту, заметалась по комнате. Мой взгляд упал на камин, в котором вчера весело потрескивали дрова, а сегодня покоился лишь серый пепел. Рядом стояла тяжелая кованая кочерга с загнутым концом.

Не раздумывая ни секунды, я схватила её. Металл обжег ладонь холодом. Оружие. Жалкое, допотопное, но это было лучше, чем просто сидеть и ждать приговора. Я села на стул с высокой резной спинкой, спрятав кочергу за спину. В конце концов, это не просто железяка. Это — символ моего мира. Уютного, безопасного, где максимум, что мне грозило — это выговор от начальника.

Дверь бесшумно отворилась.

Вошел старик. Высокий, сухой, словно жердь. Его длинная седая борода была заплетена в несколько тонких косичек, перевитых серебряными нитями. Глубокие морщины прорезали лицо, но глаза под кустистыми бровями были молодыми, пронзительными и цвета потемневшего серебра. На нем была просторная мантия цвета глубокой ночной синевы,

расшитая серебряными звездами и лунными серпами, которые, казалось, слабо мерцали в утреннем полумраке. В руке он держал высокий посох из черного дерева, увенчанный прозрачным кристаллом размером с кулак. Кристалл этот жил своей жизнью — внутри него пульсировал тусклый свет, то разгораясь, то затухая в такт его шагам.

— Доброе утро, дитя, — его голос оказался совсем не таким, как я ожидала. Не скрипучим и властным, а мягким, даже ласковым, с нотками усталой мудрости. — Прости за столь ранний визит. Дела двора не терпят отлагательств.

— Д-доброе, — выдавила я, вцепившись в кочергу так, что побелели костяшки. Мой голос прозвучал жалко и пискляво.

Магистр Орвиус остановился в двух шагах от меня и окинул внимательным, цепким взглядом. Мне показалось, что он видит меня насквозь, до самых костей. Кристалл в его посохе вдруг мигнул ярче, затем его свет потускнел, словно кто-то накинул на него темную ткань. Мигнул снова, отчаянно, как затухающая свеча на ветру. И погас совсем, став обычным мутным камнем.

Орвиус замер. Он уставился на свой посох с таким выражением, будто тот пророс цветами. Затем перевел взгляд на меня. Потом снова на посох.

— Любопытно, — пробормотал он себе под нос. — Очень и очень любопытно.

Я молчала, боясь даже дышать. Сердце колотилось где-то

в висках.

— Сейчас, дитя. Подождите мгновение, — он поднял посох, направив потухший кристалл прямо мне в грудь. Его губы зашевелились, шепча слова на гортанном, певучем языке, от которого у меня засвербело в ушах.

Кристалл дернулся, будто его ударили током. Внутри него вспыхнул слабый, болезненный свет — и тут же погас, словно кто-то грубо задул свечу, не дав ей разгореться.

Магистр Орвиус побледнел. Серебро его глаз потемнело до свинца.

— Этого просто не может быть, — прошептал он, и впервые в его голосе проскользнула растерянность. — Еще раз.

Он повторил жест. Снова тот же гортанный шепот. Снова судорожная вспышка. И снова — абсолютная, звенящая темнота в кристалле.

Орвиус медленно опустил посох. Он смотрел на меня так, словно видел перед собой призрака. Или чудовище.

— Дитя... — голос его дрогнул. — Где ваша сила?

Я молчала, чувствуя, как пол уходит из-под ног, а стул подо мной становится шатким, будто плот посреди бушующего моря.

— Я спрашиваю вас, — он сделал шаг ко мне. — Где ваша магия? Я не чувствую ни капли. Ни единого резерва. Ни даже намека на искру. Вы пусты. Абсолютно пусты. Как высохший колодец. Как... как обычный человек.

Последние слова он произнес с таким искренним, вселен-

ским ужасом, что меня прорвало. Инстинкт самосохранения, смешанный с отчаянием, выплеснулся наружу. Я вскочила, выставив перед собой кочергу как копьё.

— Не подходите!

Орвиус замер, глядя на меня с неподдельным изумлением, которое быстро сменилось... недоумением? Он уставился на кочергу.

— Вы... вы угрожаете мне кочергой? — переспросил он медленно, будто смакуя абсурдность ситуации. — Мне? Магу высшего уровня? Кочергой?

— А что мне остается?! — закричала я, чувствуя, как паника обжигает горло, грозя перерасти в истерику. — Вы сейчас пойдёте к Владыке и доложите, что я пустая, что я фальшивка! Меня убьют! Сожгут на костре, как какую-нибудь ведьму из ваших страшных сказок! Или драконам скормят! Выбор невелик!

— Да успокойтесь вы, дитя, ради всех девяти кругов Бездны! — он поднял свободную руку в успокаивающем жесте. — Положите эту злополучную железяку, пока не поранили себя или, что более вероятно, не испортили мне мантию. Она стоит целое состояние.

— Не положу! — я пятилась к стене, натываясь спиной на холодный камень. — Вы не понимаете! Я не виновата! Я вообще не просилась сюда! Меня затащили силой! Какие-то три старухи в балахонах открыли портал прямо у меня в квартире, и я провалилась! Я вообще не ведьма! Я Ольга, я

из Москвы, из другого мира! У нас там магии нет! Совсем! Вообще! Ни капельки! Мы в телефонах сидим и кофе пьем!

Слова вылетали из меня бессвязным, захлебывающимся потоком. Кочерга в моих руках дрожала, но я продолжала сжимать её, как последнюю ниточку, связывающую с моим прежним, таким далеким и безопасным миром.

Орвиус замер, превратившись в статую. Кристалл в его посохе оставался мертвенно-тусклым, но старик даже не смотрел на него. Он смотрел на меня. Долго, изучающе, пронзительно.

— Из другого мира? — переспросил он наконец, и голос его звучал глухо. — Обычный человек, лишенный дара?

— Да! — я почти рыдала, голос срывался на всхлипы. — Я работала в офисе, пила этот ваш... то есть наш кофе по утрам, ненавидела понедельники и мечтала об отпуске в Турции! А теперь я здесь, в теле какой-то ведьмы Элиары! Без магии, без денег, без документов, без обратного билета! И вы меня сейчас убьете!

Силы оставили меня. Я сползла по холодной каменной стене прямо на пол, все еще сжимая в руках бесполезную кочергу. Слезы градом катились по щекам, размазывая остатки косметики, которую Лия с таким старанием нанесла на меня вчера вечером.

Орвиус молчал. Долго. Очень долго. Тишина в комнате стала такой плотной, что её можно было резать ножом. Потом он тяжело, с кряхтением, опустился на тот самый стул, с

которого я только что вскочила. Посох поставил рядом. Кажалось, он постарел на глазах.

— Великие духи... — прошептал он, уставившись невидящим взглядом в стену, где висел выцветший гобелен. — Так вот почему аура была чужой. Вот почему кристалл гаснет. Элиара мертва. Её тело заняла душа из мира без магии. Ритуал переноса... Три ведьмы... Они провернули это. Идиотки. Безумные идиотки.

Замолчал. Я сидела на полу, шмыгая носом и боясь пошевелиться.

— Магистр? — позвала я дрожащим, сиплым голосом. — Вы... вы меня убьете?

Он медленно перевел на меня взгляд. В его серебряных глазах плескалась такая усталость и такая глубокая, заставившая боль, что мне стало стыдно за свой истерический страх.

— Я должен доложить Владыке, дитя, — произнес он тихо, но твердо. — Это мой долг. Моя клятва.

— Нет! — я вскочила, выронив наконец кочергу, которая с грохотом покатила по каменному полу. Я бросилась к нему и упала на колени, вцепившись в край его синей мантии. — Пожалуйста! Умоляю вас! Вы не представляете, что они со мной сделают! Владыка... о нем такое рассказывают! Он жестокий, безжалостный! Говорят, он убивает за малейшую провинность! Он меня сожжет!

— Владыка не жесток без причины, — тихо сказал Орви-

ус, глядя на мои руки, вцепившиеся в его мантию. Он не отдернул ткань, позволив мне держаться. — Но ты права, дитя. Самозванство при дворе, да еще и в теле придворной ведьмы, карается смертью. И казнь будет нелегкой.

— Вот видите! — я подняла на него заплаканное лицо. — Магистр, я вас умоляю! Я не просилась сюда! Я никому здесь не желаю зла! Дайте мне шанс! Я что угодно сделаю! Научусь чему угодно! Буду полы мыть, посуду мыть, драконов ваших кормить!

Он смотрел на меня сверху вниз. Старый, уставший, с болью в глазах, которая, казалось, не имела отношения ко мне.

— Встань, дитя. Не надо стоять на коленях. Это недостойно ни тебя, ни меня.

— Не встану, пока вы не пообещаете молчать!

— Я не могу молчать, — он покачал головой, и в этом жесте была безысходность. — Я принес нерушимую клятву верности трону. Если я скрою правду, а это рано или поздно вскроется, меня казнят вместе с тобой. И поделом.

— А если я сбегу? — выпалила я, хватаясь за соломинку. — Прямо сейчас. Соберу в узел свои пожитки — ну, то есть Элиарины платья — и сбегу из замка! Вы скажете, что я не пришла на оценку. Струсила, сбежала. Подумаешь, мало ли придворных ведьм сбегало?

Орвиус посмотрел на меня с горькой усмешкой.

— Глупая. Замок Владыки окружен мощнейшей магической защитой. Тебя поймают через час, ну, может, через два.

Маги стражи нащупают твой след по ауре — чужеродной, но все же привязанной к телу. И тогда допрос будет куда жестче. И уж тогда меня спросят, почему я, проведя оценку, не доложил о пустоте немедленно.

Я зарыдала в голос, уткнувшись лбом в холодный каменный пол. Все. Конец. Тупик. Даже сбежать не дадут.

— Дитя... успокойся, — голос старика вдруг стал мягче, в нем появились нотки, которые я бы назвала отеческими. — Я не говорю, что иду докладывать прямо сейчас.

Я замерла, боясь поверить. Подняла голову.

— Что?

— Я сказал: успокойся. Встань с пола, сядь на стул. Вот сюда, напротив меня. — он указал на стул. — И расскажи мне всё по порядку. С самого начала. Без истерик и всхлипов. Только правду.

Я кое-как поднялась, чувствуя, как дрожат ноги, и села на указанный стул. Кочерга валялась в углу, и я поймала себя на мысли, что скучаю по её холодной, увесистой тяжести в руках.

— Что рассказывать?

— Всю историю. Как тебя зовут на самом деле. Откуда ты. Как выглядел твой мир. Как именно ты попала в тело Элиары. Что ты помнишь о тех трех ведьмах.

Я глубоко вздохнула, вытерла мокрые щеки тыльной стороной ладони и начала рассказывать. Про Москву, про двадцать первый век, про свою скучную, но такую родную ра-

боту в офисе. Про тот злополучный вечер пятницы, когда я вернулась домой уставшая, мечтая только о душе и пище. Про внезапно вспыхнувший в комнате фиолетовый вихрь, из которого вышли три фигуры в капюшонах. Про их гортанные голоса, про резкую боль, темноту и пробуждение уже здесь, в чужом теле, под испуганным взглядом Лии.

— А потом... — мой голос снова дрогнул. — Потом пришел Владыка. Вчера вечером.

Орвиус подался вперед.

— Он был здесь? Что он делал? Что говорил?

— Ничего особенного, — я попыталась вспомнить ту встречу без дрожи в коленях. — Спросил, как я себя чувствую. Сказал, что ему нужна моя магия для стабилизации климата или чего-то такого. Велел отдохнуть и прийти в себя. Смотрел на меня... странно. А потом ушел.

— Странно? — переспросил Орвиус. — Как именно?

— Не знаю, — я пожала плечами. — Вроде и строго, а вроде и с любопытством. Как на диковинного зверька в зоопарке. И еще у него глаза очень синие. Раньше я думала, что такого синего цвета не бывает.

Орвиус задумался, поглаживая бороду.

— А сегодня утром я завтракала в малой столовой. Там была эта... леди Изель. Какая-то важная шишка. Она на меня так смотрела... будто хотела прибить на месте. Спросила про вчерашний ритуал. Я сказала, что ничего не помню. Она, кажется, не поверила.

— Изель, — Орвиус поморщился. — Да. Первая советница. Змея подколотная. Будь с ней осторожна. Очень осторожна.

Он замолчал, уставившись в стену, и я поняла, что сейчас решается моя судьба.

— Хорошо, — сказал он наконец, и я выдохнула. — У меня есть план. Другого выхода я не вижу.

— Какой?

— Я не буду докладывать Владыке. Пока.

Я чуть не задохнулась от нахлынувшего облегчения, смешанного с неверием.

— Правда? Вы серьезно?

— Правда. Но у этого решения есть причины. Во-первых, — он поднял один палец. — Элиара была моей ученицей. Лет десять назад, когда она только поступила ко двору. Я учил её азам. И если бы я тогда уделял ей больше внимания, если бы настоял на том, чтобы она держалась подальше от темных кругов... возможно, она не ввязалась бы в эту авантюру с ритуалом переноса. Чувствую свою вину, старый дурак. — Он вздохнул. — А во-вторых... — он посмотрел мне прямо в глаза. — Во-вторых, ты мне, Ольга из Москвы, симпатична. В тебе есть стержень. Не каждая на твоём месте, очнувшись в чужом мире, без памяти, без силы, перед лицом всемогущего Владыки, сохранила бы способность не только плакать, но и огрызаться, торговаться, хвататься за кочергу. Это дорогого стоит.

— Спасибо, — выдохнула я, чувствуя, как к глазам снова подступают слезы, но уже не от ужаса, а от благодарности. — Огромное вам спасибо. Вы даже не представляете...

— Не благодари раньше времени, — оборвал он меня, став снова строгим. — Мое молчание имеет цену. И цену немалую.

Я насторожилась.

— Какую?

— Ты будешь учиться. Каждый день. Каждую свободную минуту. Днем и ночью. Я вложу в тебя все знания, которые только смогу, всю теорию, все базовые плетения. Ты станешь настоящей ведьмой. Не за месяц и не за год — на это уходят десятилетия, — но хотя бы научишься создавать видимость. Сможешь зажечь свечу взглядом, прочесть простейшее заклинание, не спалив при этом половину замка. А пока ты будешь учиться, я буду прикрывать тебя перед двором. Скажу, что твоя сила нестабильна после неудачного ритуала, что она заблокирована и требует времени для восстановления. Такое бывает с магами после сильных потрясений, мне поверят.

— А если не поверят? — спросила я шепотом. — Если Изель или кто-то еще начнет копать глубже? Устраивать свои проверки?

Орвиус усмехнулся, но усмешка вышла невеселой.

— Тогда, дитя, мы оба сгорим на одном костре. Ты — как самозванка, я — как пособник и изменник. Так что у нас с тобой теперь одна общая цель на двоих: сделать из тебя ведь-

му как можно быстрее. И молиться всем известным и неизвестным духам, чтобы никто не докопался до правды раньше времени.

Я смотрела на него и чувствовала, как внутри разливается тепло, несмотря на ужас его последних слов. Этот совершенно чужой мне старик, магистр, правая рука Владыки, рисковал своей жизнью ради меня. Просто потому что я ему «симпатична». И потому что чувствовал вину перед мертвой ученицей.

— Магистр Орвиус, — сказала я тихо, но твердо, глядя ему прямо в глаза. — Я не подведу. Клянусь вам. Клянусь памятью своей мамы, самым дорогим, что у меня есть. Я выучу всё. Я выгрызу эту вашу магию зубами. Я стану лучшей ведьмой, какую вы только видели. Только научите.

Он улыбнулся. Устало, но в глазах мелькнул теплый огонек.

— Это хорошо, дитя. Это правильный настрой. Но учти: я буду строг. Очень строг. Магия не терпит лени и халтуры. Это не твоя офисная работа, где можно отсидеться и сделать отчет тят-ляп. Здесь ошибка стоит жизни. Если я увижу, что ты не стараешься, что плюешь на занятия — я сам, своими руками отведу тебя к Владыке. Честное слово мага.

— Буду стараться, — пообещала я горячо. — Зуб даю.

— Что даешь? — не понял он.

— Ну... клянусь. По-нашему, по-московски. Зуб даю — значит, отвечаю головой.

— Странные вы, москвичи, — покачал головой Орвиус, но в глазах его мелькнула усмешка. — Но ладно. Принимаю твою клятву. А теперь слушай меня внимательно, Ольга. Времени у нас мало.

Он подался вперед, и голос его понизился до шепота, хотя в комнате, кроме нас, никого не было.

— Сегодня же я внесу запись в магический реестр двора. Напишу, что дар ведьмы Элиары серьезно поврежден и частично заблокирован в результате неудачного ритуала переноса. Что требуется длительное наблюдение и восстановительная терапия. Это даст нам немного времени. Месяц. Может быть, два, если повезет. За это время ты должна освоить хотя бы азы: теорию магических потоков, базовые плетения, простейшие заклинания вроде «света» или «искры». Хотя бы чтобы при необходимости создать видимость деятельности, пустить пыль в глаза.

— А если не освою? — спросила я, хотя ответ уже знала. Орвиус посмотрел на меня с грустной прямоотой.

— Тогда, дитя, пеняй на себя. Я сделаю всё, что в моих силах, чтобы тебя прикрыть и выиграть время. Но если встанет выбор между моей шеей и твоей... я выберу свою. Ты уж прости старика, но я хочу умереть в своей постели, в тепле и покое, окруженный внуками, а не на костре под крики толпы. Это честно?

— Честно, — кивнула я, чувствуя к нему еще больше уважения за эту прямооту. — Более чем честно. И спасибо вам

за этот шанс. Правда. Огромное спасибо.

Орвиус поднялся, опираясь на посох. Теперь кристалл в нем снова слабо мерцал — видимо, успокоившись вместе с хозяином.

— Завтра начнем. На рассвете. Жду тебя в замковой библиотеке. Лия знает дорогу, проводит. И запомни, Ольга, — он посмотрел на меня строго, пронзительно. — Никому ни слова. Ни единой живой душе. Даже Лие. Даже Владыке. Особенно Владыке. Если он узнает правду раньше, чем ты научишься хотя бы притворяться ведьмой, я бессилён буду тебя защитить. Он не прощает обмана.

— А если... — я сглотнула. — А если он сам спросит? Вызовет к себе и начнет задавать вопросы?

Орвиус усмехнулся, и в этой усмешке мелькнуло что-то озорное.

— Ври. Изворачивайся. Используй всё своё обаяние, все уловки, которым вас учат в вашем мире без магии. Ты же говорила, у вас там одно оружие — слово и хитрость? Так применяй. Заговаривай зубы, переводи стрелки, строй из себя глупенькую, потерявшую память девицу. Главное — не признавайся. Ни за что.

Я усмехнулась сквозь все еще влажные ресницы.

— Умеем. Ещё как умеем. Нас в школе выживания в офисе хорошо натаскали.

— Вот и отлично. До завтра, дитя. И выпишись. Рассвет наступит рано.

Он направился к двери, но на пороге обернулся. Взгляд его упал на кочергу, валяющуюся в углу.

— И выбрось эту дурную железяку из головы, — сказал он наставительно. — Против настоящего мага она бесполезна. Только рассмешишь противника. Лучше выучи первое и главное правило выживания в магическом мире: не паниковать. Паника убивает быстрее любого заклинания. Помни об этом.

Дверь за ним бесшумно закрылась.

Я осталась одна. Ноги подкосились, и я тяжело опустилась на тот самый стул, где только что сидел магистр. В комнате было тихо, только ветер едва слышно посвистывал в каминной трубе, да где-то далеко в замке лаяли собаки.

Я перевела взгляд на кочергу в углу.

Месяц. Может, два. А потом — или я стану ведьмой, хотя бы чуть-чуть, или меня сожгут на костре. И старого мага заодно.

— Ольга, — сказала я себе вслух, и голос мой прозвучал в пустоте комнаты непривычно громко. — Добро пожаловать в настоящий экстрим. Забудь про офис, кофе, отчеты и дедлайны. Теперь твоя жизнь — это магические учебники, заклинания, плетения и ежедневный риск смертной казни. Ну как тебе смена карьеры?

Ответом мне была тишина. Я вздохнула, поднялась, подошла к углу и подняла кочергу. Взвесила на руке. Потом аккуратно поставила её обратно в каминную стойку.

— Прощай, моё верное оружие, — прошептала я, поглажив холодный металл. — Ты было хорошей попыткой. Но, как сказал умный старик, теперь моим оружием будет мозг. И острый язык. И надежда на то, что магистр Орвиус не передумает спасти меня до завтрашнего утра.

Я забралась обратно в кровать, укрылась тяжелой медвежьей шкурой и уставилась в высокий, теряющийся в темноте потолок.

Рассвет обещал быть очень ранним. А жизнь — очень, очень короткой, если я не справлюсь.

— Москва, — прошептала я в темноту, чувствуя, как глаза слипаются. — Я по тебе скучаю. Даже по пробкам. Даже по дурацким летучкам. Даже по начальнику-самодуру.

Где-то далеко, в другом мире, моя прежняя жизнь продолжалась без меня. Кто-то другой, в моём теле, с душой ведьмы Элиары, пил мой кофе и сидел в моём кресле. А здесь начиналась новая. Моя. И от того, выживу ли я, зависело всё.

Я закрыла глаза и провалилась в глубокий, тревожный сон, полный магических формул, которые я не понимала, костров, на которых горела я, и синих глаз Владыки, которые смотрели на меня в упор с каким-то странным, нечитаемым выражением.

Попаданка с характером, или Как я стала его проблемой

Лина Дорель

<https://litnet.com/shrt/DA0G>

ЛИНА ДОРЕЛЬ

Глава 6. Метод кнута и Excel

Прошло три дня. Три долгих, странных, безумных дня. Я выжила. Пока что.

Орвиус, седой маг с лицом уставшего библиотекаря, приходил каждое утро ровно с первыми лучами солнца. Мы корпели над теорией магии до тех пор, пока у меня не начинали плавиться мозги. Он пытался вбить в мою голову основы местной магической философии, которая, судя по всему, заключалась в бесконечных медитациях на пупок и попытках «почувствовать потоки». Я чувствовала только сквозняк из окон и растущее раздражение.

Но помимо высокой магии была еще одна, куда более насущная проблема — быт. И если с магией я пока была на абсолютном нуле, то с бытом можно и нужно было что-то делать. Потому что жить в условиях этого средневекового бардака, граничащего с свинарником, я больше не могла физически.

Началось все с утра третьего дня.

Солнце только-только начало пробиваться сквозь мутное, пузырчатое стекло моего единственного окна. Я с трудом разлепила глаза, чувствуя, как затекла шея на подушке, набитой сеном. Потянувшись, я первым делом глянула на столик у кровати, где стоял фаянсовый кувшин с водой.

Он был пуст.

Мало того, горлышко кувшина украшала засохшая муха, а на дне, судя по звуку, когда я его перевернула, поселилась пыль.

— Лия! — мой голос, хриплый со сна, прорезал утреннюю тишину комнаты.

Тишина. Ни шороха, ни топота ног.

Я села на кровати, закуталась в одеяло (которое, кстати, пахло псиной и сыростью) и оглядела поле боя. В камине — серая зола и ни одного полена. За ширмой в углу стояло злополучное ведро, которое я вчера вечером, краснея от стыда, использовала по прямому назначению, потому что идти ночью в сортир во дворе (!!!) было выше моих сил. Ведро, разумеется, никто не унес.

— ЛИЯ! — заорала я уже во всю глотку, не заботясь о приличиях.

Дверь распахнулась, и Лия влетела в комнату, как испуганный воробей. Она была бледная, растрепанная, с каким-то пятном на переднике.

— Госпожа! Ой, госпожа, простите, Хранители вас спаси и сохрани, я забыла! — затараторила она, падая на колени и начиная кланяться. — У нас суматоха, старшая служанка те-тушка Марта слегла с животом, все перепуталось, меня по-гнали на кухню помогать с завтраком для приезжих лордов, потом в прачечную, белье замочить, а потом...

— Стоп. — Я подняла руку, и она заткнулась на полуслове, глядя на меня снизу вверх с ужасом в глазах. — Замолчи.

Встань.

Лия послушно вскочила.

Я глубоко вздохнула, стараясь унять бешеный стук сердца. Криком делу не поможешь. Здесь нужен системный подход. Тот самый, которому меня учили на дурацких корпоративных тренингах по тайм-менеджменту и эффективности, которые я раньше тихо ненавидела. Сейчас бы мне табличку в Excel, да где ж её взять.

— Лия, — как можно спокойнее спросила я. — У вас есть бумага и чем пишут?

— Пергамент, госпожа, и перья гусиные. Чернила из сажи с камедью, — отрапортовала она.

— Неси. И позови всех слуг, которые закреплены за этим крылом. Всех. Срочно. Скажи, что ведьма приказывает явиться для важного разговора.

Лия вытаращила глаза так, что они стали похожи на два блюдца, но спорить не посмела и вылетела пулей.

Через полчаса в моей комнате, которая и так была невелика, стало тесно. Передо мной выстроилось шесть человек. Две девушки (включая Лию), три парня разной комплекции и одна пожилая женщина с лицом, выражающим глубочайший скептицизм и готовность дать отпор любой ведьминской дури. Они стояли, переминаясь с ноги на ногу, косились друг на друга и явно не понимали, чего от них хочет эта странная новая хозяйка.

Я сидела за столом. Передо мной лежал неровный лист

пергамента и гусиное перо, которое пришлось трижды макать в чернильницу, прежде чем пошла ровная линия. Писать этим инструментом оказалось чудовищно неудобно — перо царапало, чернила расплзались, — но я быстро приоровилась давить посильнее.

— Итак, — начала я тоном заправского менеджера проекта, обводя их взглядом. — Представьте по очереди и скажите, за что каждый из вас отвечает в этом замке. Конкретно по этому крылу.

Меня встретила тишина и недоумение. Здоровенный дедина с руками-лопатами, покрытыми цыпками, почесал затылок.

— Чего? — переспросил он басом.

— Имя свое назови. И что ты делаешь каждый день? Какая у тебя работа? — терпеливо, как ребенку, объяснила я.

— А-а, — протянул он. — Дрова таскаю, госпожа. Воду. Ежели что тяжелое поднять-отнести. Я Кир буду.

— Отлично, Кир. Записываем, — я старательно вывела на пергаменте корявыми буквами: «Кир — дрова и вода». — Ты, — я ткнула пером в следующего парня, щуплого, с хитрыми бегающими глазками.

— Я Тим, госпожа, — поклонился он. — На кухню бегаю, заказы от господ передаю, посуду помочь вымыть могу, если попросят. Еще на рынке чего прикупить, если мелочь какая.

— Тим — связь с кухней и хозяйственные поручения. Записали. Дальше.

Две девушки, обе примерно моих лет, румяные и плотные, оказались прачками. Их звали Мала и Бесса. Они стирали белье всего крыла в большой кадке на заднем дворе, используя какой-то щелок и собственные кулаки вместо стиральной доски.

И, наконец, пожилая женщина с суровым лицом. Ее звали тетушка Грета, и она была старшей по этому крылу. На словах она отвечала «за всё сразу», но, по моим наблюдениям, не отвечала ни за что конкретное, предпочитая руководить на словах, а сама сидеть в каморке и греть кости у жаровни.

Когда все представились, я взяла перо и начала чертить на пергаменте таблицу. Слуги смотрели на это действие с таким благоговейным ужасом, будто я рисовала кровавую пентаграмму для вызова демонов Бездны.

— То, что я сейчас сделаю, называется «график», — объяснила я, выводя ровные (ну, почти) колонки. — Здесь написано, кто что делает и в какое время. Чтобы не было путаницы, свалок и ситуации, когда у госпожи нет воды, дров и чистого ведра. Смотрите.

Я повернула пергамент к ним. Они дружно вытянули шеи.

— Утро. Кир, с первыми петухами, приносит три ведра воды и охапку дров для камина. Сначала наливаешь воду в котелок и ставишь греться на огонь, а потом носишь остальное. Понял, Кир?

— Так... греть? — уточнил он.

— Греть. Лия будит меня и помогает одеваться. Тим бе-

жит на кухню за завтраком — ровно к тому времени, как я оденусь. Прачки в это время стирают. Тетушка Грета... — я замялась, — ...контролирует, чтобы все было сделано вовремя и качественно.

— А чего контролировать-то? — буркнула тетушка Грета, подозрительно глядя на пергамент. — Я и так всё вижу.

— Знаете, но не делаете, — мягко, но твердо отрезала я. Идем дальше. День. Кир проверяет запас дров, при необходимости подкладывает в камин и греет свежую воду для хозяйственных нужд. Лия убирает в комнате: вытирает пыль, метет пол, выносит... содержимое ширмы. — Лия густо покраснела. — Тим обегает кухню и торговцев, узнает, что есть свежего к обеду. Прачки заняты стиркой, а во второй половине дня — глажкой.

— Гла-адить? — переспросила Мала, округлив глаза. — А чем, госпожа?

— Чем обычно гладят белье? — удивилась я.

Девушки-прачки переглянулись.

— Ничем, госпожа, — робко ответила Бесса. — Мы белье хорошо мнем, когда оно мокрое, потом встряхиваем и складываем. Оно мягкое так-то.

Я закрыла глаза рукой. Они мнут белье. Они мнут его, как тесто, чтобы оно стало мягче! Вместо того чтобы гладить!

— Ладно, — выдохнула я, успокаиваясь. — До глажки мы еще дойдем. Идем дальше. Вечер. Кир приносит вечернюю порцию дров и горячей воды — лично для меня, перед сном.

Лия помогает раздеться и приготовиться ко сну. Тим бежит за ужином. Грета проверяет, что все задания на день выполнены, и докладывает мне. Вопросы?

— А выходные? — подала голос Лия.

— Что? Какие выходные?

— Ну, день отдыха, госпожа. У нас один день в декаду, когда можно не работать, в храм сходить или просто отдохнуть.

Я задумалась. Один день в декаду — это примерно раз в десять дней по-нашему. Жестоко, конечно, крепостное право какое-то. Но я здесь не для революций, и ломать местный уклад мне пока не по силам.

— Хорошо, — кивнула я. — Выходные остаются. Но в остальные шесть дней декады работаем четко по этому графику. И вот еще что.

Я обвела их строгим взглядом, стараясь, чтобы он был по-настоящему ведьминским.

— Вода должна быть горячей. Не ледяной, обжигающей руки, а приятно-горячей. Для мытья. Кир, ты понял? Тыставишь котелок в камин, греешь воду и несешь мне уже теплую. В ведре или кувшине, укутав тряпкой, чтобы не остыла.

Кир посмотрел на меня как на сумасшедшую.

— Греть воду... специально, госпожа? Чтобы мыться?

— Чтобы я мылась, Кир. Теплой водой, с мылом. Это трудно для понимания?

— Но... госпожа, никто никогда не просил, — растерян-

но пробасил он. — Господа всегда холодной моются. Для закалки духа и тела. Это полезно.

— Я не желаю закаляться! — не выдержала я, стукнув кулаком по столу. Все вздрогнули. — Я желаю мыться теплой водой! С мылом! Душистым!

— С мылом? — тетушка Грета скептически изогнула бровь и скрестила руки на могучей груди. — Так мыло-то у нас простое, сами варим, из золы и жира. Для стирки оно, да для мытья рук после грязной работы. Для госпожи такое не пойдет, кожу стянет.

— А какое пойдет?

— Для благородных мыло привозное, из южных королевств, — авторитетно заявила Грета. — С оливковым маслом, с травами, с духами. Дорогое, зараза. Надо у купцов заказывать, когда караван придет.

— Так закажите! — я уже начала терять терпение. — Лия, запомни: мыло! Хорошее, привозное, душистое! Много! И чтобы вода была горячая каждый вечер. И полы мыть каждый день — а то пыль столбом стоит. И белье... я придумаю, как его гладить. Или вы мне покажете ваши «жаровни для белья», если они у вас есть. Позже.

Слуги переглядывались. В их взглядах читалась смесь обреченности, любопытства и уверенности, что ведьма точно тронулась умом после переноса. Но спорить боялись.

— Вопросы есть?

В комнате повисла звенящая тишина.

— Тогда все свободны. Выполняем. Лия, останься на пару слов.

Когда все вышли, осторожно пятясь и косясь на меня, Лия приблизилась к столу.

— Госпожа, а что такое... «гладить»? Вы про белье говорили, а я не поняла. Мы же его мнем, чтобы мягче было.

— Это, Лия, — я вздохнула, понимая, что сейчас придется объяснять прописные истины, — процесс, когда мятую, перекрученную ткань делают абсолютно ровной, гладкой и красивой. У нас в мире для этого есть специальные приборы — утюги. Они горячие, тяжелые. Их нагревают и водят по ткани. И она становится как новая, без складок.

— У-тю-ги? — Лия тщательно выговорила незнакомое слово, словно пробуя его на вкус. — Чудно́ как. А как они выглядят?

— Ну, — я замялась, пытаюсь представить средневековый аналог. — Как тяжелый кусок металла, чаще всего треугольной формы, с ручкой сверху. Его нагревали на огне или внутри угли закладывали... — И тут меня осенило. — Погоди. А у ваших прачек есть такие штуки? Железные, с ручкой, может, они похожи на сковородку без бортов?

— А-а, — протянула Лия, и лицо ее прояснилось. — Так это жаровни для белья! Есть у них такие. Только редко пользуются. Тяжелые очень, пока нагреешь, пока проведешь — руки отваливаются. Проще память.

— Есть? — я аж подскочила на стуле от радости. — От-

лично! Это оно и есть, рубель с валиком или угольный утюг! Скажи им: с завтрашнего дня, нет, с сегодняшнего, пусть достают свои жаровни. Мои платья, простыни, наволочки — все должно быть выглажено раз в три дня. Поняла?

— Поняла, госпожа, — кивнула Лия, но в глазах ее читалось сомнение, что прачки будут в восторге от такой новости. Она выскользнула за дверь.

Я откинулась на неудобную спинку стула и перевела дух. Кажется, первый шаг к превращению этого каменного мешка в пригодное для жизни место сделан. Главное теперь — система и контроль. Не сдаваться.

Он стоял в тени за тяжелой дубовой дверью, прислонившись плечом к холодному, вековому камню, и слушал.

Владыка этого замка, повелитель северных земель, перед которым трепетали лорды, драконы и сами боги, — подглядывал за собственной ведьмой, как мальчишка за первой любовью сквозь замочную скважину. Стыдно? Наверное, должно быть. Но серая скука последних столетий давно превратила чувство стыда в пыль, которой можно было бы посыпать дорожки в саду.

Она была... невероятна. И дело было не в магии — этого добра в ней не было ни на грош. А в том, как она пыталась втиснуть этот дикий, хаотичный мир в какие-то свои, неизвестные здесь рамки.

График. Она назвала это «график». Владыка, чья память хранила тысячи лет, никогда не слышал этого слова. Лист

пергамента, расчерченный на клетки, куда она вписывала имена и обязанности. Он видел, как Кир, этот медведь, способный голыми руками задушить быка, стоял перед ней на-вытяжку и кивал, как болванчик. Как тетушка Грета, которую он сам обходил десятой дорогой (старая карга помнила его еще сопливым мальчишкой и не стеснялась делать замечания), потеряла дар речи от наглости этой пигалицы.

Мыло. Горячая вода. Гладить белье.

Она требовала этих невозможных, абсурдных вещей с таким видом, будто это было в порядке вещей. И самое забавное — они соглашались. Они выходили от нее с ошарашенными, потерянными лицами, но уже через минуту начинали шепотом обсуждать, как выполнить ее безумные приказы.

Владыка улыбнулся в темноте. Эта улыбка не была ни злой, ни доброй. Она была... заинтересованной.

Три дня назад он приказал магистру Орвиусу провести полную оценку её магического потенциала. И получил пространный доклад: сила ведьмы нестабильна, заблокирована древним ритуалом переноса, требуется время и покой. Орвиус врал. Владыка знал это с абсолютной точностью. Знал, потому что сам, обладая куда более тонким чутьем на магию, чем любой маг, не чувствовал в ней ровным счетом ничего. Ни тогда, в коридоре, когда она шарахнулась от него, как дикая кошка. Ни потом, вечером у камина, когда она с вызовом смотрела на него. Ни сейчас, когда раздавала указания, размахивая гусиным пером, словно дирижерской палочкой.

Она была пуста. Абсолютно, кристально пуста.

И это было самое интересное, что случилось с ним за последние сто лет.

Он мог бы казнить её в ту же ночь, как только обнаружил подмену. Мог бы отдать на растерзание Изель и её шакалам, которые уже точили зубы на новую фаворитку. Мог бы засунуть в самую глубокую темницу и пытать до хрипоты, выясняя, куда делась сила Элиары и кто за этим стоит. Но вместо всего этого он стоял под дверью и подглядывал, как она муштрует прислугу.

Почему?

Ответ был прост до неприличия, до смешного: ему было весело.

Владыке давно уже ничего не было весело. Власть, войны, женщины, магия, пиры, охота — всё приелось, истёрлось в пыль, превратилось в серую, тягучую массу скучных обязанностей. А эта девчонка из другого мира, которая даже свечу не могла зажечь без спичек (он видел, как она в первый вечер чиркала странной коробочкой у камина), умудрялась вносить хаос в его выстроенный веками, непоколебимый порядок.

График дежурств. Горячая вода. Мыло с юга.

Она не боялась. Нет, боялась, конечно — он видел этот липкий, животный страх в ее глазах каждый раз, когда их взгляды встречались. Но страх не парализовывал её, не бросал в истерику, а заставлял действовать. Она вгрызалась в

эту чужую, враждебную реальность, как маленький, но отчаянный зверек, пытающийся прорыть нору в гранитной скале.

— Магия цифр, — едва слышно пробормотал Владыка, вспоминая её вчерашнюю фразу. — Забавно.

Он представил, как придет к ней завтра под каким-нибудь благовидным предлогом и спросит: «Ну как, ведьма, освоила свой график? А что такое этот... „эксель“?» Интересно, что она ответит? Ударит своей знаменитой кочергой, которую, кажется, ни на минуту не выпускает из рук? Или снова начнет дерзить, сверкая этими невероятными глазами?

Владыка усмехнулся своим мыслям. Глаза у нее были красивые. Не магические, не ведьминские, не пустые, как у многих здешних аристократок. Живые, настоящие. В них плескался целый океан эмоций: страх, злость, отчаянное любопытство, усталость и... что-то ещё. Что-то, от чего у него самого внутри начинало шевелиться давно забытое, почти атрофировавшееся чувство.

Азарт.

— Играем, Ольга из Москвы, — прошептал он одними губами в холодную темноту коридора. — Играем. Посмотрим, что ты выкинешь дальше. Какой ещё «график» придумаешь. Чем удивишь.

Он бесшумно отлепился от стены, не произведя ни единого звука, и скользнул прочь, растворяясь в тенях длинной галереи. Он оставлял ведьму наедине с её дурацкими пергаменами и наивными мечтами о горячей воде и глаженных

простынях. Впереди был долгий, бесконечный день, полный скучных обязанностей, докладов и приёмов. Но теперь у него появилось развлечение. Маленькая, забавная игрушка, которая даже не подозревает, что за ней наблюдают. И он собирался наслаждаться каждым моментом этой новой игры.

А я, ничего не подозревая о своем тайном зрителе, сидела в своей комнате и, счастливая, рисовала новый график. Теперь для себя.

Я вывела на новом листе колонки: «Час магии (мучения с Орвиусом)», «Час обеда (ритуал выживания в компании Изель)», «Час прогулки (обязательно, надо дышать этим спертым воздухом, чтобы не сойти с ума)», «Час общения с Лией (чтобы не боялась меня окончательно и стала моими глазами и ушами в замке)», «Час подготовки к ужину (выбрать платье, причесаться, набраться сил для отражения атак местных стерв)».

В дверь тихонько постучали.

— Войдите, — крикнула я, не отрываясь от пергамента.

Дверь приоткрылась, и просунулась голова Тима.

— Госпожа, это я, Тим, — прошептал он, будто мы заговорщики. — Можно?

— Заходи, раз пришел.

Тим шмыгнул в комнату и заговорщицки оглянулся на дверь. Потом вытащил из-за пазухи небольшой сверток, засаленный и перевязанный бечевкой.

— Это я насчет мыла, госпожа, — зашептал он, протяги-

вая мне сверток. — Спрашивал у торговцев, что во двор заезжали. Один, из южных, сказал, что мыло будет, но только через седмицу, караван ждет. А пока прислали вот это, образец, так сказать, чтобы госпожа оценила качество.

Я развязала бечевку и развернула грубую холстину. Внутри лежал небольшой, граммов сто, кусочек мыла. Оно было невзрачного бежевого цвета, с вкраплениями каких-то травинок, но от него исходил такой божественный, забытый аромат меда, сухоцветов и каких-то южных смол, что у меня на мгновение перехватило дыхание.

Я поднесла мыло к лицу, вдохнула полной грудью. Пахло домом. Чистотой. Нормальной жизнью.

— Тим... — выдохнула я. — Тим, ты просто золото. Спасибо тебе огромное.

Он просиял так, будто я его рыцарём посвятила.

— Да что вы, госпожа, мне не трудно! Я ещё узнал: масла там разные, оливковое, миндальное, для волос хорошо. И гребни из рыбьей кости есть у одного умельца. И зеркала...

— Зеркала! — встрепелась я. — Точно! Тим, мне нужно нормальное зеркало. Не это вот... — я кивнула в сторону мутного металлического кругляша на стене, в котором можно было разглядеть только расплывчатое пятно, — а настоящее, стеклянное, чтобы я себя видела. Достанешь?

Тим почесал затылок, прикидывая.

— Стеклянные зеркала больших денег стоят, госпожа. Только у самых богатых купцов бывают, из Венеции, что ли...

Но я поспрашаю. Может, у кого из господ завалялось ненужное, или купец какой проезжий привезёт.

— Спрашивай, Тим. Я заплачу. Вот, держи пока за мыло.

Я порылась в шкатулке Элиары, где позвякивала пригоршня серебряных и медных монет, и протянула ему пару серебряных. Глаза Тима стали размером с те самые монеты.

— Спасибо, госпожа! Век не забуду! Я мигом, я всё раз узнаю! — Он поклонился и, счастливый, выбежал вон, прижимая монеты к груди.

Я снова улыбнулась. Кажется, моя маленькая система начинала работать. Я нашла подход к слугам, у меня будет мыло, а может, даже и зеркало.

Оставалось только одно — понять, зачем Владыка меня терпит. Почему он до сих пор не сожрал меня своим холодным взглядом или не скормил своим приближенным. Что ему нужно от пустой ведьмы?

Но ответ на этот главный вопрос я пока боялась даже мысленно сформулировать. Потому что интуиция подсказывала: ответ этот может мне очень не понравиться.

Закошмарить генерала драконов

Ольга (Ольга Михайлова)

<https://litnet.com/shrt/9KVQ>

ОЛЬГА
(ОЛЬГА МИХАЙЛОВА)

Глава 7: Мелкие пакости

Четыре дня прошли на удивление спокойно. Настолько спокойно, что я даже начала расслабляться. Я училась у Орвиуса, который, кажется, начал признавать во мне если не талант, то упорство. Я муштровала слуг по новому графику, который они восприняли с удивительным смирением. И, что самое странное, я привыкала к мысли, что Владыка заходит каждый вечер.

Просто посидеть у камина, выпить со мной травяного звара и посмеяться до слез над моими рассказами о московских пробках, очередях в МФЦ и странностях маршруток. Он слушал так, будто я читала ему увлекательнейший роман о далекой магической реальности. Эти вечера стали моим личным маленьким счастьем в этом гадюшнике.

Но идиллия, как водится в романах и в жизни, долго не продержалась. Я ведьма, пусть и без магии, а в сказках у ведьм всегда всё идет наперекосяк, особенно когда всё слишком хорошо.

Утром пятого дня Лия влетела в комнату с таким лицом, будто увидела призрака Владыки в одной ночной рубашке.

— Госпожа! Беда! — выпалила она, хватая ртом воздух.
— Травы! Ваши травы!

— Какие травы? — я оторвалась от записей, где пыталась систематизировать вчерашние знания о зельях от головной

боли. — Говори толком.

— Те, что вы сушили для занятий с магистром Орвиусом! Полынь и крапива! Вы оставили их на подоконнике в коридоре, чтобы солнце их брало...

— И? — подбодрила я, чувствуя неладное.

— И они испорчены! — Лия шмыгнула носом, готовая разрыдаться. — Кто-то полил их уксусом! Всю ночь они там кисли, теперь это бурая вонючая масса! Я как увидела — чуть не упала!

Я вышла в коридор, где на широком каменном подоконнике ещё вчера вечером лежали мои аккуратные пучки. Теперь там красовалось нечто, похожее на болотную жижу. Резкий запах уксусной кислоты смешивался с горечью полыни и прелым запахом крапивы. Впечатляющий букет.

Я постояла, глядя на это безобразие. Эмоции кипели, но я заставила себя дышать ровно. Паника и гнев — плохие советчики.

— Кто мог это сделать? — спросила я спокойным тоном, от которого Лия вздрогнула пуще прежнего.

— Не знаю, госпожа! Честно! Я ночью спала как убитая, дверь была заперта, а утром вышла — а там уже... — она заломила руки. — Может, это дух какой? Или леди Изель?

— Леди Изель, значит, — пробормотала я, сгребая испорченные травы в мешок, который принесла Лия. — Ну что ж, спасибо леди Изель за подарок.

— За подарок? — Лия округлила глаза. — Госпожа, вы

шутите? Это же диверсия!

— Не шучу, — усмехнулась я. — Пошли-ка на кухню.

Кухня во дворце гудела как растревоженный улей. Грохот кастрюль, шипение масла на сковородках, запах жареного лука и свежего хлеба. Главный повар Бруно, красномордый толстяк с могучими ручищами, которые умели не только тумачи раздавать, но и творить кулинарные чудеса, при виде меня всплеснул руками.

— Госпожа ведьма! Какими судьбами? Что стряслось? Не иначе, зелье какое сварить нужно? — он подмигнул, но, увидев моё лицо, посерьёзшел.

— Зелье не зелье, а вот, подарочек, — я высыпала содержимое мешка на огромный разделочный стол. — Пригодится?

Бруно склонился над зловонной кучей, как опытный сапёр над бомбой. Понюхал, поморщился, отодвинулся, потом наклонился снова и понюхал ещё раз, более вдумчиво.

— Полынь-то какая ядрёная была... Крапива майская, самая полезная... И всё это уксусом столовым, не дешёвым, кстати, полито... — он почесал затылок, оставляя на лысине мучной след. — Странный букет, конечно. Пахнет так, что крысы бегут. Но если сейчас это всё быстренько промыть в трёх водах, да прокалить в печи, да просушить на сквозняке... — его глаза загорелись профессиональным азартом. — В маринады пойдёт! Для дичи самое то, мясо мягче делает и дух отбивает. Я завтра как раз кабана потрошить буду, ко-

торый егеря вчера приволокли.

— Забирай всё, — обрадовалась я, чувствуя, как внутри разгорается азарт. — Пусты в дело сегодня же. И передай потом, если спросят, от кого такое лакомство, что это ле-
ди Изель лично постаралась, свой вклад в королевский ужин внесла.

Бруно хмыкнул, глянул на меня с уважением, но спорить не стал. Травы исчезли в недрах кухни, а я отправилась обратно, чувствуя странное удовлетворение. Первый раунд, кажется, остался за мной. Но это была лишь разминка.

Я думала, что на сегодня враг исчерпал запас глупости. Как бы не так.

Вечером, когда я, напевая, собиралась на ужин и предвкушала, как надену своё любимое темно-синее платье, в котором чувствовала себя почти королевой (спасибо московскому секонд-хенду и маминым урокам кройки и шитья), Лия ворвалась в третий раз за день. В этот раз она даже не кричала. Она просто застыла в дверях с белым лицом и трясущимися губами.

— Госпожа... — выдохнула она. — Платье...

Сердце ухнуло в пятки. Я молча прошла в гардеробную и замерла.

Мое платье. Синий бархат, который я так любила. Висело на плечиках, но узнать его было невозможно. Какая-то сволочь щедро, от души, полила его маслом. Жирным, кулинарным, судя по запаху. Ткань пропиталась насквозь, по подолу

стекали жёлтые разводы. Воняло так, что из глаз текли слёзы уже не от обиды, а от аммиачных паров прогорклого жира.

— Леди Изель, — выдохнула Лия обречённо. — Больше некому, госпожа. Она вас так за травы... или просто так...

Я села на кровать. В голове билась одна мысль: ужин через час. У меня нет платья. Остальные наряды, которые выделила мне гардеробная при замке, либо такие вычурные, что я в них похожа на рождественскую ёлку, либо мрачные, как траур, либо просто малы и жмут под мышками. Я представила, как вхожу в зал в чём-то неподобающем, и леди Изель, эта стерва с фарфоровым личиком, улыбается своей ядовитой улыбкой.

Попаданка в Драконьем Законе

Тоня Рождественская, Екатерина Владимировна Ильинская

<https://litnet.com/shrt/XwRJ>

ТОНЯ РОЖДЕСТВЕНСКА
ЕКАТЕРИНА ИЛЬИНСКА

Глава 8. Соперницы

И тут мой взгляд упал на окно. Вернее, на то, что его обрамляло.

Шторы.

Огромные, тяжелые, бархатные шторы, которые, кажется, висели здесь со времён основания замка. Тёмно-изумрудный, благородный цвет, густой и глубокий, как лесная чаща. А по краю — потрясающее золотое шитьё, сложный растительный орнамент, настоящая ручная работа. Эти шторы стоили целое состояние.

— Лия, — сказала я голосом полководца, принимающего судьбоносное решение. — Ножницы есть?

— Ножницы? — Лия захлопала глазами, думая, что у госпожи от горя помутился рассудок. — Есть, конечно, для ткани, острые...

— Тащи. И иголку с нитками. Золотыми, если найдутся. И ещё, — я уже встала и подошла к окну, оценивая масштаб работ. — Скажи служанкам, что мы сегодня не принимаем ванну и вообще никого не пускаем. У нас аврал.

— Аврал? — Лия совсем растерялась. — А что такое аврал? И зачем ножницы? Госпожа, вы что задумали?

Я повернулась к ней и улыбнулась. Улыбка вышла, наверное, немного безумной, потому что Лия попятилась.

— Будем шить, Лия. Платье. Из штор.

Через полчаса моя комната напоминала ателье после погрома. Тяжёлые шторы лежали на полу, распоротые по швам с риском для жизни (пришлось вставать на подоконник и балансировать на карнизе, пока Лия внизу ловила меня и материю с воплями ужаса). Ещё через полчаса у меня в руках было нечто, отдаленно напоминающее платье. Мама в детстве научила меня шить — спасибо ей, она считала, что женщина должна уметь всё, независимо от того, есть ли у неё магия.

— Госпожа... — Лия смотрела на меня с таким ужасом и восхищением, будто я только что приручила дракона голыми руками. — Это же... это гениально. Но куда мы денем золотую вышивку? Она же по краю была, а теперь...

— А теперь, — я приложила ткань к себе, — золотая вышивка пойдёт по подолу и на пояс. Будет смотреться как дизайнерское решение.

— Дизайнерское? — эхом отозвалась Лия, подавая мне нитки.

— Красивое, — перевела я, кусая нитку.

Платье из штор село идеально. Я сама удивилась. Видимо, стресс и адреналин включили какие-то сверхспособности. Тёмно-зеленый бархат мягко облегал фигуру, делая талию осиной, а бёдра — соблазнительными. Золотая вышивка по подолу смотрелась не как заплатка, а как дорогой элемент отделки. Декольте вышло чуть глубже, чем я планировала (математика меня подвела в спешке), но в целом получилось даже эффектнее испорченного синего.

— Туфли, — скомандовала я, крутясь перед зеркалом. — Мои чёрные, на каблуке. И украшения. Что есть?

Лия заметалась. Через десять минут на мне были длинные серьги с изумрудами (кажется, настоящими — подарок от Владыки на второй день, от которого я не посмела отказаться) и браслет в тон.

Я стояла перед зеркалом и не узнавала себя. Из отражения смотрела не попаданка без магии, нервно теребящая подол, а настоящая леди. Холёная, опасная, уверенная в себе. Тёмный бархат делал кожу фарфоровой, а глаза — бездонными.

— Пошли, — сказала я, глубоко вздохнув. — Пока я не передумала и не спряталась под кровать.

В трапезной было шумно и многолюдно. Сегодняшний ужин обещал быть особенным — Владыка принимал каких-то важных послов из северных кланов, поэтому народу набилось больше обычного, все при параде, дамы соперничают в роскоши нарядов.

Когда я вошла, разговоры стихли.

Буквально. Казалось, даже свечи перестали потрескивать.

Все взгляды — от лакеев у дверей до важных вельмож за столом — устремились на меня. Бархат струился при каждом шаге, золотое шитьё поблескивало в свете сотен свечей, каблуки цокали по каменному полу.

Леди Изель сидела на своём обычном месте — по правую руку от Владыки. Увидев меня, она поперхнулась вином. Честное слово, красная струйка потекла по подбород-

ку, прежде чем она успела промокнуть губы салфеткой. Её глаза расширились, потом сузились, потом снова расширились. Она явно узнала ткань. Как не узнать шторы, которые висели у неё в гостевой комнате, когда она сама их выбирала пять лет назад?

— Ольга! — голос Владыки прозвучал на весь зал, разрезая тишину, как нож. — Подойди.

Я подошла, стараясь дышать ровно. Он смотрел на меня с откровенным, незамутнённым приличием интересом. В его глазах плясали чертики, и от этого взгляда у меня самой внутри что-то странно ёкнуло.

— Новое платье? — спросил он, окидывая меня долгим, неторопливым взглядом с головы до пят. Взгляд задержался на декольте чуть дольше, чем позволял этикет. — Что-то я такого не припоминаю в твоём гардеробе.

— Да, — я улыбнулась самой невинной улыбкой. — Решила сегодня немного обновить гардероб. Импровизация.

— Великолепно, — сказал он громко, чтобы слышали все. Его голос разнёсся под сводами зала. — Ткань изумрудная, благородная. Фасон смелый, но не вульгарный. Ты выглядишь как настоящая королева этого замка.

За столом пронёсся восхищённо-завистливый шепоток. Леди Изель, сидевшая рядом с Владыкой, побелела так, что напудренные щёки стали одного цвета с бумагой. Её пальцы, сжимающие серебряный кубок, побелели тоже — костяшки выступили от напряжения.

— Ваше Величество, — процедила она, не в силах сдержать яд. — Вы находите уместным так откровенно восхищаться... ведьмой? При всех?

— А почему нет? — Владыка лениво повернулся к ней, и в его голосе зазвенела сталь, скрытая под бархатом. — Ведьма при дворе — такая же придворная дама, как и любая другая. Она имеет право наряжаться так, как ей нравится. Или вы, леди Изель, против того, чтобы дамы выглядели красиво?

Изель промолчала, но её взгляд, обращенный на меня, говорил громче любых слов. В нём было обещание долгой и мучительной смерти.

Я села на своё место, стараясь не дрожать от выплеска адреналина, и с удовольствием отметила, что на стол подали запечённую дичь — сочные куски кабана, политые ароматным соусом. Ту самую, которую Бруно мариновал в моих «испорченных» травах.

Владыка попробовал, приподнял бровь, прислушался к вкусу.

— Необычно, — сказал он. — Пикантно. Пряный, терпкий привкус. Мне нравится. Бруно сегодня превзошёл себя.

— Должно быть, какой-то новый секретный ингредиент, — заметила я, вежливо улыбаясь.

Изель, сидевшая напротив, с явной неохотой откусила кусок дичи и замерла. Медленно прожевала. Её холёное личико начало вытягиваться, как у человека, только что понявшего, что он съел.

— Что-то не так, леди Изель? — спросила я ласково, как заботливая подруга. — Мясо не нравится?

Она подавилась, закашлялась, схватила за кубок с водой так, что расплескала половину на скатерть.

— Здесь... здесь полынь! — просипела она, вытирая губы. — Дичь горчит! Она испорчена!

— Полынь? — я сделала огромные удивлённые глаза. — Не может быть. Полынь же воняет уксусом, её невозможно в еду добавить, не испортив блюдо. Разве что кто-то специально настаивал травы на уксусе, чтобы придать мясу такую... оригинальную пикантность. Интересный метод, правда? Хотя и странный.

Изель побагровела так, что стало страшно — не хватил бы удар. До неё дошло всё. И про травы, и про кухню, и про мою улыбку.

— Вы... вы... — прошипела она, забыв о приличиях.

— Я ничего. Я просто ем то, что подали. И мне очень вкусно, — я откусила ещё кусочек, демонстративно смакуя.

За столом кто-то из молодых придворных не выдержал и хихикнул. Владыка кашлянул в кулак, пряча улыбку. Ситуация была слишком хороша.

— Действительно, — поддержал он меня, сверкнув глазами. — Бруно сегодня гений. Надо будет выдать ему премию.

Изель отодвинула тарелку с такой силой, что вилка звякнула и упала на пол. Есть она больше не могла физически — её трясло от злости.

После ужина, когда важные гости начали расходиться по своим покоям, а менее важные — к карточным столам и в курительные комнаты, Владыка задержал меня у выхода из трапезной, взяв под руку и уведя в пустой коридор.

— Ты гениальна, — сказал он тихо, но с таким восхищением в голосе, что у меня мурашки побежали по спине. — Испорченные травы — на кухню, в маринад для кабана. Испорченное платье... Кстати, я серьёзно: откуда оно? Я такого точно не видел. Ткань, вышивка... она же старинная.

Я выдохнула и честно призналась. Скрывать смысла не было, да и смешно получилось.

— Из штор, — сказала я. — В моей комнате. Кто-то залил моё единственное приличное платье маслом, пришлось импровизировать. Снять шторы, распороть, перекроить. Лия чуть в обморок не упала, пока я на подоконнике балансировала.

Владыка замер. Секунду он смотрел на меня, не веря. А потом расхохотался — громко, заливисто, на весь коридор, откинув голову назад. Смех звенел эхом под каменными сводами.

— Шторы! — выдохнул он сквозь смех. — Ты сшила платье из штор! Собственноручно! А я при всех сказал, что ты выглядишь как королева! Изель, наверное, сейчас рвёт и мечет — она эти шторы пять лет назад заказывала за бешеные деньги.

— Она объявила мне войну, — пожала я плечами, но

внутри разливалось приятное тепло от его смеха. — Я принимаю.

— Будь осторожна, — Айден посерьёзnel мгновенно, как будто тумблер переключил. Его лицо стало жёстким. — Изель не прощает унижений. Она опасна. У неё связи, влияние, и она привыкла получать то, что хочет.

— А я не прощаю пакостей, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. — Я пережила московские общежития, работу в доставке и экзамен по высшей математике. Посмотрим, кто кого.

Я развернулась и пошла к себе, чувствуя спиной его взгляд. Айден смотрел мне вслед долго, пока я не скрылась за поворотом.

В покоях леди Изель в это время летала посуда. Я слышала это даже сквозь толстые стены — видимо, били не только тарелки, но и что-то тяжёлое, стеклянное.

— Тварь! — орала она так, что в коридорах гасли свечи. — Дрянь безродная! Она меня опозорила! Опозорила перед всем двором! Перед Владыкой!

— Леди, успокойтесь, прошу вас... — лепетала служанка, прижимаясь к стене.

— Молчать, дура! — Изель швырнула об стену очередную тарелку, и та разлетелась на тысячу осколков. — Эта выскочка будет смеяться надо мной? Я уничтожу её! Сотру в порошок!

— Но она ведьма... Магистр Орвиус с ней занимается...

— А я слышала, что никакая она не ведьма. — Изель остановилась посреди комнаты, тяжело дыша. Глаза её сузились, стали похожи на щёлочки. — Пустышка. Сосуд без магии.

— Кто сказал? — испуганно спросила служанка.

— У меня свои источники. Самые надёжные. — Изель зловеще улыбнулась, и от этой улыбки служанка поёжилась. — Если она пустышка, её можно убить. Легко. Без следа. Нужно только найти правильный способ. И правильных людей.

Она подошла к окну, глядя на две луны, зависшие над тёмными башнями замка.

— Пригласи ко мне завтра с утра леди Мирану и леди Весту. И ещё того мага из свиты северян, что вчера приехал. Того, что на подбородке шрам. Скажи, что у меня есть для него работа. И хорошая плата.

Служанка низко поклонилась и бесшумно выскользнула, радуясь, что ушла живой.

Изель осталась одна. В свете двух лун её лицо казалось вырезанным из белого мрамора — прекрасным и безжизненным.

— Ты пожалеешь, Ольга, — прошептала она, впиваясь ногтями в ладонь. — Ты пожалеешь, что вообще появилась в этом мире.

А я в это время сидела у себя в комнате перед камином и допивала уже третью кружку тёплого взвара с мёдом. Лия суежилась рядом, подбирая с пола обрезки бархата и золотые

нити.

— Госпожа, а если она ещё что-нибудь сделает? — спросила Лия шёпотом. — Леди Изель — она злопамятная. Говорят, её боятся даже при дворе.

— Сделает, — кивнула я, глядя на огонь. — Обязательно сделает. Она из тех, кто не умеет проигрывать. Но теперь я хотя бы знаю, чего ждать. Травы, платье... это цветочки.

— И что вы будете делать?

— Думать, Лия. — Я поставила кружку и посмотрела на служанку. — Думать быстрее, чем она пакостить. Быть на шаг впереди. Это единственный способ выжить в вашем гадюшнике. И ещё — заводить союзников. Бруно на кухне теперь мне должен. Это уже кое-что.

Лия смотрела на меня с надеждой.

— Вы справитесь, госпожа, — сказала она тихо, но уверенно. — Вы сильная.

Я залезла под одеяло, укрылась тяжёлым шерстяным покрывалом и закрыла глаза.

— Спасибо, Лия. Иди спать. Завтра будет новый день. Завтра будет новый день. И новые пакости. Я готова.

Пышка в Академии боевых драконов

Дарина Ромм

<https://litnet.com/shrt/mQ5z>

ДАРИНА РОММ

Глава 9. Быт как оружие

Неделя пролетела как один миг, словно кто-то невидимый перелистнул страницу календаря, даже не спросив моего разрешения. Дни превратились в бесконечную череду новых впечатлений, знаний и, конечно, проблем.

Утро начиналось с уроков у магистра Орвиуса. Старый маг, вопреки моим ожиданиям, оказался не просто сухим педантом, а увлеченным ученым. Он тыкал скрюченным пальцем в пыльные фолианты, заставляя меня заучивать названия трав и их свойства. «Запомните, дитя мое, — скрипел он, — даже простая крапива может стать смертельным оружием в руках глупца или панацеей в руках мудреца». Я старательно кивала, записывая всё на пергаменте, но моя голова была устроена иначе. Если крапиву нельзя использовать для зелья без магии, значит, из неё можно сварить суп или сделать ткань. Орвиус мои утилитарные мысли не одобрял и смотрел на меня так, будто я предлагала забивать гвозди микроскопом.

Днем начиналось «веселье» с Изель. Кузина Владыки, кажется, сделала моей травлей свой личный спорт. Её пакости были мелкими, но изматывающими. То моя любимая гребенка оказывалась измазанной липким вареньем, то в башмак подсыпали колючки, то служанка Лия со слезами на глазах сообщала, что кто-то порезал мое новое платье, которое

я с таким трудом перешивала из старых штор. Прямых улик не было, но я чувствовал её сладковатый, приторный запах духов, когда открывала дверь в свою комнату после очередной «шалости». Я злилась, скрежетала зубами, но сдерживалась. Устраивать скандал без доказательств значило подставить себя под удар.

Но самым моим главным занятием, помимо воли, стало «муштрование» слуг. Вернее, не муштрование, а налаживание быта. Лия, моя робкая служанка, постоянно была чем-то напугана. Конюх Кир ходил мрачнее тучи, а кухонный мальчишка Бруно вечно норовил стащить лишний кусок хлеба, пряча его за пазуху.

— Лия, почему в моей комнате так холодно по утрам? — спросила я как-то, кутаясь в плащ.

— Дров нет, госпожа, — прошептала она, виновато опуская глаза. — Выдают мало, а те, что есть, сырые, горят плохо.

— А почему выдают мало?

Лия только пожала плечами и шмыгнула носом. Тогда я пошла к Киру.

— Кир, с дровами что? Лес же рядом.

— Лес-то рядом, госпожа, — Кир сплюнул на землю. — Да только лесорубам жалованье за два месяца не плачено. Кто ж задаром работать станет? Господин управляющий го-

ворит, денег в казне нет.

«Нет денег? — удивилась я про себя. — А Владыка вчера новую сбрую для коня заказывал, говорят, у столичного мастера, золотом шитую. Откуда же на сбрую есть?»

Мозаика начала складываться, когда я заглянула на кухню. Бруно как раз разгружал подводу. Из телеги выгружали мешки с крупой и подвешенные туши.

— Бруно, мясо свежее? — спросила я, принюхиваясь. Запах мне не понравился.

Мальчишка оглянулся по сторонам и, убедившись, что взрослых нет, прошептал:

— Да какое там, госпожа. Тухлятину везут. Господин повар Бруно (тут он важно поправил сам себя, имея в виду себя любимого) её вчера в суп покрошил, так вся прислуга потом животами маялась. А в документах пишут, что мясо отборное, бычков закупили.

— А деньги на хорошее мясо кто получает?

— Так поставщики, вестимо. А поставщики — это люди господина казначея.

Последней каплей стала ворчливая тетушка Грета, старая экономка, которая выдавала свечи. Я пришла к ней за новой партией.

— Три штуки, — буркнула она, протягивая мне тонкие, сальные огарки.

— Три? На целую неделю? — изумилась я. — Грета, как я вечерами читать буду?

— А уж как хотите, госпожа. Экономия. Владыка велел экономить. — И она поджала губы так, что они превратились в тонкую ниточку.

Я ушла, сжимая в руках три жалких свечки и кипя от возмущения. В голове, как бусины на нитку, нанизывались факты. Лесорубам не платят, но дрова кому-то поставляют. Продукты закупают тухлые, по цене отборных. Свечи экономят, а казначейство списывает их вагонами.

Вечером я сидела в кресле у камина и смотрела на пляшущие языки пламени. Огонь гипнотизировал, мысли текли свободно. Цифры, проценты, объемы — они крутились в моем мозгу, не давая покоя. В моем мире я была аудитором. Я видела десятки таких схем. Кто-то в этом замке воровал. Воровал нагло, системно, годами, обворовывая не только казну, но и живых людей, которые мерзли и голодали из-за чьей-то жадности.

Меня это бесило. Бесило до скрежета зубовного.

— Лия! — крикнула я, резко вставая.

Девушка тут же появилась в дверях.

— У вас есть бумага? Много? Чистый пергамент?

— Есть, госпожа. Господин Орвиус присылал для ваших занятий. Принести?

— Давай всё, что есть.

Лия принесла увесистую стопку плотных листов. Я решительно смахнула со стола вазу с засохшими цветами, расстелила пергамент, обмакнула перо в чернила и замерла на мгновение. С чего начать? С дров.

Так родилась моя первая финансовая ведомость в этом мире. Слева — колонка «Фактический расход по опросу слуг». Справа — «Выделено средств по документам казначейства». Строчка за строчкой, цифра за цифрой.

Я записывала всё, что узнала за неделю. Дрова: нужно 50 возов в месяц (Кир сказал, что нужно хотя бы 40, чтобы все комнаты протопить нормально, но 50 — это по-людски). Выделено казначейством на 100 возов. Итог: 50 возов и деньги на них испарились.

Мясо: на кухню поступает 50 мер, по документам проходит 120. Разница — 70 мер. За полгода набегает приличное стадо, которое кто-то съел или продал.

Мыло, свечи, крупа, масло, ткань для слуг, жалование конюхам, прачкам, лесорубам. Цифры множились, складывались, вычитались. К полуночи передо мной лежал готовый документ. Две колонки. Две реальности. И жирная красная

линия, показывающая, что реальные траты замка были ровно в два раза меньше, чем списанные. Кто-то просто клал в карман половину всего бюджета.

— Госпожа... — Лия, которая всё это время сидела в уголке и штопала мои чулки, с ужасом смотрела на исписанные листы. — Что это? Вы колдуете?

— Это, Лия, доказательства, — я устало потерла переносицу. — Документально оформленное воровство.

— Воровство? — пискнула она.

— Да. И завтра я иду с этим к Владыке.

Лия побелела так, что даже веснушки на носу стали заметны.

— К Владыке?! Госпожа, не надо! Вас убьют! Эти люди... они сильные. Они всё могут. Они и Владыке глаз не успеют моргнуть, как наговорят!

— Посмотрим, — я криво усмехнулась. — У меня на них тоже кое-что есть.

Утро следующего дня я встретила с чувством холодной решимости. Надела свое лучшее платье, тщательно причесалась, свернула пергаменты в аккуратный свиток и отправилась на поиски Владыки.

Малый тронный зал гудел, как растревоженный улей. Очередь просителей — крестьяне в лаптях, купцы в потертых кафтанах, какая-то знатная дама с капризным лицом — тянулась от самых дверей до тронного возвышения. Я вздохнула и встала в хвост. Придется ждать.

Час. Два. Ноги затекли, спину ломило. Я уже начала клевать носом, прислонившись к холодной каменной стене, как вдруг передо мной возник стражник в сверкающих доспехах.

— Госпожа ведьма, — прогудел он. — Владыка велел пропустить вас без очереди. Проходите.

Я удивилась, но виду не подала. Под недоуменными и завистливыми взглядами просителей я прошла вперед и вошла в зал.

Айден сидел на троне. Не в той официально-напыщенной позе, как на прошлом приеме, а расслабленно, почти лениво, откинувшись на высокую спинку и положив ногу на ногу. На его губах играла та самая знакомая усмешка, от которой внутри всё сжималось в тугую узел.

— Ольга из Москвы, — протянул он, окидывая меня взглядом с ног до головы. — Соскучилась? Неделю не виделись.

— По делу, Владыка, — отрезала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. Подошла ближе и остановилась в паре шагов

от трона. — Разговор серьезный.

— Серьезный? — он театрально приподнял бровь, но в синих глазах мелькнул интерес. — Стража, оставьте нас.

Когда тяжелые двери закрылись за последним стражником, в зале повисла звонкая тишина. Я не стала тянуть. Подошла вплотную к ступеням трона и, не спрашивая разрешения, разложила свои пергаменты прямо на каменном полу, у его ног.

— Смотри, — сказала я, вставая на колени и тыча пальцем в свои каракули. — Это расходы дворца за последние полгода. Я не шпионила, я просто поговорила со слугами. С Лией, с Киром, с Бруно, с прачками. Они тебе верят, между прочим. Вот сколько по-честному должно уходить дров, чтобы никто не мерз. Вот норма свечей на комнату. Вот мыла на стирку. А вот, — я ткнула в правую колонку, — сколько выделяет твое казначейство. Видишь разницу?

Айден наклонился, уперев локти в колени, и впился взглядом в цифры. Усмешка с его лица исчезла, сменившись напряженным вниманием. Он провел пальцем по колонкам, шевеля губами.

— Откуда у тебя эти цифры? — спросил он тихо, не поднимая глаз.

— Посчитала, — пожала я плечами. — Это не магия, это арифметика. Сложение, умножение, анализ. Я в своей прошлой жизни этим и занималась, только в других масштабах. Я перевернула лист, показывая следующую таблицу.

— Вот здесь — мясо. По документам казначейства, на кухню еженедельно уходит сто мер отборной говядины. Бруно, поваренок, своими глазами видел накладные. А получает он пятьдесят мер, и те — тухлые. Остальное оседает у поставщиков. А поставщики, если верить слухам, — люди твоего казначея, лорда Деррика.

Айден резко поднял голову. В его глазах полыхнула холодная ярость.

— Деррика? Ты уверена?

— Абсолютно, — твердо ответила я, глядя ему в глаза. — Но это только верхушка. Если дашь мне доступ к документам казначейства — к реальным счетам, накладным, ведомостям на зарплату, — я за пару дней всё сопоставлю. Найду каждую монету, каждый мешок муки, каждую пленницу, которая ушла налево.

Айден медленно поднялся с трона. Ступени возвышали его надо мной, но он спустился на одну, на две, пока не оказался рядом, на моем уровне. Теперь мы стояли друг напротив друга, а между нами на полу лежали исписанные листы.

— Зачем ты это делаешь? — спросил он. В его голосе не было подозрения, только искреннее, глубокое любопытство. — Тебя никто не просил. Ты здесь чужая, беззащитная, без магии. Тебе выгоднее тихо сидеть в углу и не высовываться. Зачем ты лезешь в это осиное гнездо?

Я на секунду задумалась. А действительно, зачем? Ответ пришел сам собой, простой и честный.

— Меня бесит бардак, — выдохнула я. — Терпеть не могу, когда что-то работает неправильно. И меня бесит несправедливость. Твои слуги — Лия, Кир, Бруно — они хорошие люди. Они экономят свечи, кутаются в рванье, доедают тухлятину, пока твой лорд Деррик, судя по размаху воровства, строит себе, небось, уже третий особняк на твои деньги. Это неправильно.

Айден усмехнулся, но на этот раз в усмешке не было насмешки. Было что-то другое... уважение?

— Ты всегда такая въедливая?

— Всегда, — кивнула я. — Это мой способ выживать. Понять систему и найти в ней дыры. Или, как сейчас, указать на них тому, кто может их заткнуть.

Он сделал шаг, почти вплотную, и наклонился над пергаменатами. Я тоже наклонилась, чтобы показать ему следующую.

щую строчку.

— Вот здесь, смотри. Расходы на мыло. Завышены в три раза, — я провела пальцем по строчке. — А мыло привозят самое дешевое, щелочное, от него руки трескаются. Прачки жалуются.

— А здесь? — он вдруг ткнул пальцем в другую колонку, и его горячая, сухая ладонь накрыла мою руку.

Я замерла. Сердце пропустило удар и тут же забилося где-то в горле. От его прикосновения по коже побежали мурашки, не имеющие ничего общего ни с холодом, ни со страхом.

— Здесь... — мой голос предательски сел, пришлось откашляться. — Здесь дрова. Кир говорит, лесорубам не платят два месяца, поэтому дров нет и не будет. А по документам зарплата лесорубам выплачена полностью и даже с премией.

— Значит, деньги осели у управляющего, — кивнул Айден, но его мысли, кажется, были уже далеко от дров. Он не убирал руку. Он смотрел на меня в упор, и в глубине его синих глаз разгорался тот самый, опасный, манящий огонь, от которого у меня подкашивались колени.

— Убери руку, — прошептала я одними губами.

— Не хочу, — ответил он так же тихо.

— Айден...

— Мне нравится, когда ты злишься, — его голос звучал низко, вкрадчиво, обволакивая. — Ты красивая, когда злишься. — Он чуть сжал мои пальцы. — И когда считаешь. И когда командуешь слугами. И когда шьешь себе платья из штор. Мне рассказали. Говорят, вышло очень оригинально.

— Ты издеваешься? — выдохнула я, пытаюсь вернуть самообладание.

— Нет. Восхищаюсь.

Я сглотнула. Воздух между нами, казалось, наэлектризовался до предела. Мы стояли слишком близко. Я чувствовала запах его одеколона — древесный, с нотками дыма — и тепло, исходящее от его тела.

— Скажи, — спросил он вдруг, не сводя с меня глаз. — А что еще ты умеешь делать без магии?

— Много чего, — выдохнула я, пытаюсь унять дрожь в голосе. — Считать, планировать, организовывать. Шить, готовить... ну, готовить пока не очень, но я быстро учусь. Ру-

гаться матом, если надо. Начальников строить.

— Кофе варить? — неожиданно спросил он.
Я удивленно моргнула.

— Откуда ты знаешь про кофе?

— Ты в прошлый раз говорила. Когда про свой мир рассказывала. Сказала, что есть такой напиток, который бодрит и пахнет шоколадом. Я запомнил.

— А, точно, — я почувствовала, как краска заливает щеки. — Да, умею. Жаль, у вас тут кофе нет.

— А если бы был, сварила бы мне? — в его глазах заплясали чертики.

— Сварила бы, — неожиданно для себя самой ответила я. Он улыбнулся. Тепло, почти нежно, совсем не так, как улыбался просителям или придворным.

— Ты необычная, Ольга. Совсем не такая, как наши женщины.

— А какие ваши? — спросила я, затаив дыхание.

— Покорные, — его улыбка стала чуть горше. — Тихие. Знают свое место и никогда его не покидают. — Он покачал головой. — Ты своего места не знаешь. Или знаешь, но оно тебе категорически не нравится.

— Я вообще не знаю, где мое место, — честно призналась я. — В своем мире я была просто офисным работником. Здесь я никто, самозванка без магии, которая должна была содохнуть в лесу. Но знаешь что? Сидеть и ждать, пока меня кто-то убьет или съест, я не собираюсь.

— Тебя никто не убьет, — вдруг сказал он серьезно, и его голос стал твердым, как сталь. — Пока я рядом.

Я подняла глаза. Мы смотрели друг на друга, и между нами искрило так, что, казалось, сейчас загорится не только воздух, но и каменные плиты пола. Время остановилось.

— Ваше Величество! — громоподобный голос за дверью грянул, как гром среди ясного неба. — Срочное донесение с северной границы!

Айден зажмурился на секунду, и я увидела, как на его скулах заходили желваки. Он выругался сквозь зубы — коротко, зло и очень выразительно. Отпустил мою руку, резко выпрямился.

— Иди, — сказал он, и его голос снова стал ровным, властным. — А бумаги оставь. Я изучу.

— Ты разберешься? — спросила я с сомнением, кивая на листы.

— Нет, — усмехнулся он, но усмешка вышла натянутой. — Но ты мне потом объяснишь. Приходи вечером. К ужину. В мои личные покои. Стража проводит. Обсудим твои открытия.

Я быстро собрала пергаменты, оставив ему одну копию — самую полную. На ватных ногах дошла до двери и обернулась.

— Айден.

— Да? — он уже стоял спиной, но при моем голосе обернулся.

— Спасибо. Что выслушал. И что не выгнал.

Он улыбнулся. Той самой улыбкой — кривоватой, тёплой, опасной, от которой у меня до сих пор подкашиваются колени, когда я вспоминаю.

— Ты мне нужна, Ольга, — сказал он тихо, но очень отчетливо. — И не только для подсчетов.

Дверь за мной закрылась, отрезая меня от него, от этого разговора, от этого безумного, искрящегося момента. А

я стояла в коридоре, прижимая к груди пергаменты, и пыталась унять бешеный стук сердца. Что это было? Просто игра? Или что-то большее?

И самое страшное — я боялась ответить на этот вопрос. Потому что ответ мне уже начинал нравиться.

Большой Кусь. Игра вне правил

Ирина Колка

<https://litnet.com/shrt/3-wk>

ИРИНА КОЛКА

Глава 10. Не простые мысли

Звук закрывшейся двери прозвучал в тронном зале как оглушительный удар хрустального колокола. Отзвук поплыл под высокими сводами, затерялся среди каменных арок и витражей, на которых замерли в вечной битве драконы и первые короли.

Она ушла.

Айден стоял неподвижно, глядя на дверь, за которой только что исчезла Ольга. В ушах все еще звенел ее голос — злой, отчаянный, но такой живой. В висках пульсировала кровь, и он никак не мог понять, что это за чувство разрывает грудь изнутри. Гнев? Досада? Или что-то другое, чему он за триста лет бессмертия успел разучиться давать имя.

Наконец, он перевел взгляд на ступени трона. Пергаменты валялись на каменных плитах, словно опавшие листья. Ее каракули, как она их называла. Айден медленно спустился с возвышения, наклонился и поднял один лист.

Пальцы дрогнули.

На пергаменте, вопреки его ожиданиям, были не беспорядочные заметки, а ровные, стройные ряды цифр. Столбцы, линии, какие-то непонятные значки на пересечениях. Таблицы. Она называла это таблицами. В его мире так не считали. Здесь считали на пальцах, на деревянных счетах с костяшками, на глаз, на удачу, на «авось пронесет». А она пришла

со своим дурацким пергаментом, исписанным мелким, убогим почерком, и просто ткнула его носом в воровство.

Воровство, о котором он подозревал уже лет пятьдесят. Которое нутром чуял, но не мог доказать. Лорд Деррик был старой лисой, ветераном еще совета его отца, и воровал он с умом, с оглядкой, не подкопаешься.

А эта девчонка из другого мира, от которой пахло мылом и отчаянием, вычислила все за две недели. Просто сидя с цифрами. Просто сравнив приход и расход.

— Ольга из Москвы, — пробормотал он, сворачивая лист в тугую трубочку. Бумага приятно шуршала под пальцами. — Кто же ты такая?

Ответа не было. Только эхо его собственного голоса и солнечный зайчик от витража, скользнувший по лицу.

Айден поднялся на возвышение, прошел мимо трона, но садиться не стал. Просто остановился у высокого окна, глядя на разноцветные блики, пляшущие на каменном полу. Мысли ворочались медленно, тяжело, как валуны в горах во время селя. Он привык анализировать, просчитывать, предвидеть. Это было основой его долголетия. Но сейчас логика давала сбой.

Триста лет. Триста лет он правил этим королевством, видел его расцвет и упадок, войны и перемирия. Триста лет перед ним проходили вереницы лиц: красивые женщины, умные женщины, хитрые женщины, продажные женщины, преданные до гроба женщины. Они были как актрисы в бес-

конечном спектакле, меняя маски, но оставаясь одинаково предсказуемыми внутри. Одни хотели власти, другие — богатства, третьи — его бессмертного семени, чтобы родить наследника и возвысить свой род. Четвертые просто боялись. Боялись до дрожи в коленях, до прерывистого шепота, до заискивающей улыбки.

Они приходили и уходили, оставляя после себя либо ледяную скуку, либо горькое разочарование. Он привык к тому, что за каждым взглядом, каждым словом стоит расчет. Что все вокруг либо боятся, либо хотят что-то получить. А чаще — и то, и другое сразу.

А эта...

Айден невольно усмехнулся, вспоминая, как она стояла перед ним сегодня. Нет, она, конечно, боялась. Он слишком хорошо знал этот запах страха, эту едва заметную дрожь в пальцах. Она боялась каждый раз, когда он подходил слишком близко, когда его голос опускался до опасного шепота, когда он смотрел на нее в упор, испытывая границы ее смелости.

Но страх не парализовывал ее. Не заставлял лебезить и заискивать. Он был для нее как холодный ветер — неприятно, зябко, но не смертельно. Она внутренне сжималась, становилась похожей на натянутую тетиву, но продолжала дерзить. Спорить. Требовать. Тыкать в него своими цифрами, сверкая глазами так, будто он, Владыка, был нашкодившим подчиненным, а она — строгим бухгалтером из ее Москвы.

Горячая вода для стирки. Мыло для прачек. Гладить белье утюгами, а не сковородками. График для слуг, чтобы никто не работал сутками.

Кто еще во всем королевстве посмел бы прийти к нему с такой ерундой? С этими мелочными, бытовыми, смешными проблемами? Кто еще осмелился бы ткнуть его носом в системное воровство казначея, не имея за спиной ни капли магии, ни знатного рода, ни армии преданных вассалов?

Никто. Ни один человек. Только она.

— И зачем? — спросил он вслух у пустого зала. — Зачем ты это делаешь?

Ответ был прост и оттого еще более удивителен. Она защищала слуг. Повара Бруно, который полвека стоял у плиты и чьи руки были в шрамах от ожогов. Прачек с распухшими от холодной воды суставами. Кира, мальчишку, который таскал дрова и которого вечно недокармливали. Она вступилась за них. За чужих, незнакомых людей, которых знала всего неделю.

— Странная, — сказал он громко, и голос эхом заметался по залу. — Очень странная.

Из-за двери, ведущей в малую приемную, донесся едва уловимый шорох. Шепот ткани о камень. Айден нахмурился, прислушался, обратившись в слух. Кто-то был там. Стоял, затаив дыхание, прижимаясь ухом к щели между створками.

Он сделал шаг, но шорох тут же стих, и слышались то-ропливые, но старающиеся быть тихими, удаляющиеся ша-

ги.

— Ищейки леди Изель, — определил он безошибочно. — Уже взяли след.

Это следовало ожидать. После того памятного ужина, когда Ольга явилась в платье, сшитом из штор, и с невозмутимым видом выставила Изель душой перед всем двором, война была объявлена официально. Изель никогда не прощала унижений. Теперь каждая фрейлина, каждая служанка, каждый паж в замке были либо ее платными шпионами, либо боялись перечить ей настолько, что молчали, даже видя слежку.

Айден проводил взглядом тень, мелькнувшую за мутным стеклом двери, и неторопливо направился в свои покои. Он не боялся слежки. Пусть смотрят. Пусть докладывают. Это даже забавно — наблюдать, как плетется паутина, в которую они же сами и попадутся.

В своих покоях он первым делом подошел к столу, бросил пергаменты на столешницу из черного дерева, инкрустированную перламутром. Потом прошел в кресло у камина, тяжело опустился в него и уставился на огонь.

Мысли снова и снова возвращались к Ольге.

Она была умна. Но ум ее был иного свойства, нежели у местных. Здешние умники знали наизусть генеалогию всех королевских домов континента за последнюю тысячу лет. Они разбирались в хитросплетениях интриг, как опытные лощманы в фарватере. Они цитировали древних философов

и могли часами дискутировать о природе магии. Их ум был книжным, теоретическим, часто бесплодным.

Ее ум был другим. Практичным. Приземленным. Почти грубым в своей эффективности. Она понятия не имела, кто правил этим королевством сто лет назад, и ей это было совершенно неинтересно. Но она мгновенно, за минуту, вычисляла, куда делись деньги, выделенные на дрова для прачечной, и почему обед для прислуги стал вдвое скуднее, чем месяц назад.

— Счетовод, — хмыкнул Айден, глядя на пляшущие языки пламени. — Она обычный счетовод. В юбке.

И от этой мысли почему-то хотелось смеяться. По-настоящему, в голос, чем он не занимался уже лет двести.

Он поймал себя на мысли, что ищет встречи с ней. Что каждый вечер, когда официальные дела заканчиваются и Совет разбредается по своим покоям, его ноги сами несут его по коридору, ведущему в ее крыло. Что он придумывает десятки поводов: проверить, как она устроилась, спросить про успехи в магии, обсудить новые дурацкие таблицы, показать старые свитки с отчетами. А на самом деле...

На самом деле ему просто хотелось смотреть на нее. Смотреть, как она злится, когда он говорит какую-нибудь колкость. Как сверкают ее глаза, когда она доказывает свою правоту. Как она машинально поправляет выбившуюся прядь волос, думая, что он занят изучением пергамента и не видит. Как она кусает губы, сосредоточенно водит пером по

бумаге.

— Влюбился, старый дурак, — сказал он себе с беспощадной иронией. — В кого? В пустышку из другого мира, в девицу без гроша за душой, которая даже свечу зажечь магией не может. В женщину, которая тебя боится, но при этом не прогибается.

Триста лет одиночества. Триста лет ледяной тоски по живому, настоящему чувству, не замутненному корыстью или страхом. И оно пришло. Пришло не в образе прекрасной принцессы с идеальной родословной, не в образе могущественной чародейки, способной сравниться с ним силой, а в образе взъерошенной, испуганной, но упрямой до безумия девицы с пергаментом в руках, которая требует горячую воду и строит слуг.

Судьба издевалась. Или, наоборот, награждала его под конец вечности за все перенесенные страдания. Он еще не решил.

Я не попадусь на ваше клише

Тарана Азимова

<https://litnet.com/shrt/Njg5>

ТАРАНА
АЗИМОВА

Глава 11. Сплетни

Тем временем в малой гостиной, обитой алым шелком, где по вечерам собирались придворные дамы, кипели свои страсти.

— Она просто шарлатанка! Самозванка! — леди Мирана, тощая брюнетка с длинным, как у хорька, носом и вечно прищуренными глазами, эффектно взмахнула веером из страусовых перьев. — Моя служанка лично слышала, как магистр Орвиус говорил своему помощнику, что ее магический дар заблокирован! Ритуал переноса пошел наперекосяк!

— Заблокирован? — леди Веста, кругленькая блондинка с кукольным личиком и невинными голубыми глазами, округлила их до невозможности. — Это как? Это навсегда?

— А так. Она теперь пустая. Как барабан. Ни искры, ни отклика. — Мирана хищно улыбнулась. — Просто девка из другого мира, которой повезло попасться Владыке на глаза.

— Но Владыка же ее приблизил! — робко возразила леди Тиана, молоденькая девушка, только в этом сезоне представленная ко двору. Она сидела в углу, теребя кружевной платочек. — Он с ней каждый вечер сидит. Мне лакей говорил.

В комнате повисла тишина. Несколько дам обменялись многозначительными взглядами.

— Приблизил? — леди Изель, восседавшая в центре дивана, словно паучиха в центре паутины, лениво усмехнулась.

Ее темные волосы были уложены в сложную прическу, а в глазах горел холодный, расчетливый огонь. — Милая моя Тиана, не путай постель и политику. Владыке просто скучно. Он живет уже третью сотню лет, все лица ему приелись. Она для него как заморская игрушка. Потешится и выбросит.

— А если нет? — снова спросила Тиана, и в ее голосе послышался неподдельный страх.

Наступила звенящая тишина. Изель медленно, очень медленно повернула голову и посмотрела на девушку. Взгляд ее был таким тяжелым, что Тиана физически ощутила, как ее давливает в спинку кресла. Краска схлынула с ее щек.

— Если нет, — процедила Изель, четко выговаривая каждое слово, — значит, она опасна. А опасных... убирают.

— Но как? — леди Мирана подалась вперед, ее глаза жадно блестели. — Она же под прямой защитой Владыки! Если с ней что-то случится, он будет искать виноватых.

— Пока под защитой. — Изель загадочно улыбнулась, обводя взглядом присутствующих. — А если выяснится, что она не та, за кого себя выдает? Что она не ведьма из другого мира, пострадавшая при переходе, а просто самозванка? Простая смертная, проникшая во дворец обманом? Что магии в ней нет и никогда не было?

— Тогда Владыка сам ее казнит! — подхватила Веста, хлопнув в ладоши. — За оскорбление величества!

— Именно. — Изель откинулась на спинку дивана, наслаждаясь произведенным эффектом. — Осталось только дока-

зять это. Или... — она сделала паузу, — помочь ей доказать это самой. Спровоцировать на необдуманный поступок. Выставить на всеобщее посмешище. А там и Владыка разочаруется.

Дамы переглянулись. В воздухе запахло заговором, смешанным с духами и пудрой.

А в другом конце замка, в комнате, которую слуги уже начали между собой называть «ведьминым гнездом», Ольга сидела за столом при свете масляной лампы и гипнотизировала взглядом новые столбцы цифр. Перед ней лежал отчет по кухне за прошлый месяц, который она выпросила у эконома.

— Лия, — позвала она, не оборачиваясь. — А кто такой лорд Деррик? Кроме того, что казначей?

Лия, которая прибиралась в углу, замерла с тряпкой в руке. Она была молоденькой, лет семнадцати, курносой и веснушчатой, с вечно испуганными глазами.

— Лорд Деррик, госпожа... — голос девушки дрогнул. — Это очень опасный человек. Он в Малом Совете, у него везде свои люди. И в столице, и в провинции. Говорят, он с самим Владыкой на равных разговаривает.

— На равных? — удивилась Ольга, поворачиваясь. — Айден... то есть Владыка это позволяет? Он же вроде как абсолютный монарх?

— Лорд Деррик старый, госпожа. — Лия понизила голос до шепота. — Он еще отцу нынешнего Владыки служил, ко-

гда тот был жив. Он многое помнит, многое знает. У него власти... немерено.

— А денег у него много?

— Денег? — Лия задумалась, наморщив лоб. — Наверное, очень много. У него особняк в столице, не хуже двorca. Земли родовые, да еще и пожалованные. Люди у него в услужении — сотни. И армия личная, говорят, есть.

— Вот именно, — кивнула Ольга, постучав пальцем по пергаменту. — Особняк, земли, люди, личная армия. И все это — на деньги, которые он украл у казны.

Лия побелела так, что веснушки стали видны ярче. Тряпка выпала из ее рук.

— Госпожа! — выдохнула она. — Ради Светлой Матери, не говорите таких слов вслух! Здесь стены имеют уши! Услышат — убьют!

— Не убьют, — отмахнулась Ольга, но голос ее прозвучал не так уверенно. Она помолчала, потом добавила: — Пока не убьют. Ты права, Лия. Надо быть осторожнее.

Она отложила перо, встала и подошла к узкому окну-бойнице. Отодвинула тяжелую штору. В небе уже висели две луны — огромная серебряная и маленькая, голубоватая — заливая двор призрачным светом. Где-то внизу лаяли собаки, перекликалась стража на стенах, слышался стук копыт — жизнь в замке не замирала и ночью.

— Лия, а что обо мне говорят при дворе? — спросила Ольга, не оборачиваясь.

Лия замялась, теребя передник.

— Говорят разное, госпожа. Правду сказать?

— Давай, колись. Я взрослая девочка, выдержу. Что угодно лучше, чем ходить и не знать.

— Одни говорят... — Лия сглотнула. — Одни говорят, что вы шарлатанка. Что магии в вас нет, что вы просто притворяетесь ведьмой, чтобы Владыку окрутить. Это те, кто с леди Изель дружит.

— А другие?

— А другие... — Лия покраснела до корней волос. — Другие говорят, что вы новая фаворитка Владыки. И хотят с вами дружить. Мне уже три записки сегодня передали с просьбой о встрече.

— Фаворитка? — Ольга резко обернулась. От неожиданности она даже поперхнулась воздухом. — С чего они это взяли?

— Ну как же, госпожа... — Лия окончательно смутилась, пряча глаза. — Владыка каждый вечер к вам приходит. Сидит допоздна. Иногда до самой полуночи. И за стол сажает рядом с собой, на пиру. Это при всех было. И платье ваше хвалил. Это... это много значит, госпожа. Очень много.

Ольга молчала. Она прислонилась спиной к холодному камню стены. Она знала, что это много значит. Знала, чувствовала нутром, но гнала от себя эти мысли, как назойливых мух. Признаться даже себе в том, что между ней и бессмертным Владыкой этого мира возникает что-то, выходя-

щее за рамки «полезная сотрудница из другого мира», было страшно.

— Ладно, — сказала она наконец. Голос прозвучал хрипловато. — Пусть говорят. Мне не привыкать. В Москве тоже всякое говорили. А те, кто хочет дружить... пусть приходят. Посмотрим, что им на самом деле нужно.

— А те, кто считает вас шарлатанкой?

— А те пусть боятся. — Ольга криво усмехнулась. — Это даже полезно. Будут обходить стороной.

Лия хихикнула, но тут же испуганно прикрыла рот ладонской, оглядываясь на дверь.

— Госпожа, вы необычная. Честное слово. Я таких, как вы, никогда не видела.

— Знаю, — улыбнулась Ольга уже теплее. — Спасибо тебе, Лия. Ты свободна. Иди отдыхай. Завтра рано вставать — магистр придет с новыми уроками, будет опять мучить меня теорией.

Лия поклонилась и бесшумно выскользнула за дверь.

Ольга осталась одна. Она стояла у окна, вглядываясь в звездное небо, совершенно чужое, незнакомое, с непривычными созвездиями. Смотрела на две луны, на темные зубчатые очертания башен, слушала далекие звуки ночной жизни замка.

«Фаворитка».

Слово крутилось в голове, как заезженная пластинка. Она? Офисный планктон из Москвы, бухгалтер со стажем,

которая всю жизнь просидела в душном офисе с кондиционером, мечтая об отпуске на море? Ведьма без капли магии, которую местный колдун учит зажигать свечу, как перwokлашку?

Абсурд. Полный бред.

Бар у капибар, дракону вход воспрещен!

Александра М Кузнецова

<https://litnet.com/shrt/zfcF>

АЛЕКСАНДРА М
КУЗНЕЦОВА

Глава 12. Незванные гости

Но сердце, предательское сердце, почему-то начинало колотиться быстрее и громче, стоило ей только вспомнить сияние глаза Айдена, его насмешливую, чуть кривоватую улыбку. О том, как он смотрел на нее сегодня, когда их руки случайно соприкоснулись над пергаментом, и она отдернула свою, словно обжегшись. О том, как он сказал тогда, вполголоса, почти про себя: «Ты мне нужна, Ольга. И не только для подсчетов».

— Черт бы тебя побрал, Айден, — прошептала она в темноту, прижимаясь лбом к холодному стеклу. — Что ты со мной делаешь? Зачем ты это делаешь? Я же не выдержу. Я же обычная, простая, слабая...

Луны молчали. Только ветер гулял по пустынным коридорам, разнося сплетни, шепотки интриг и запах приближающейся грозы, которая уже нависла над замком.

Утром следующего дня Ольгу разбудил не просто стук, а самый настоящий грохот в дверь, от которого, казалось, задрожали стены.

— Госпожа! Госпожа, беда! — Лия влетела в комнату, даже не постучавшись, с круглыми от ужаса глазами и растрепанными волосами. — Там это... там пришли!

— Кто пришел? — Ольга села на кровати, откидывая с лица спутавшиеся волосы и пытаясь сообразить, который сей-

час час. За окном только начинало светать. — Пожар? Война? Владыка умер?

— Хуже, госпожа! — выпалила Лия. — Леди Веста и леди Мирана! Они внизу в приемной! Говорят, хотят познакомиться поближе! Я пыталась сказать, что вы еще спите, а они рвутся сюда!

Ольга замерла. Сон слетел мгновенно. Те самые дамы, ближайшие фрейлины Изель? Что им могло понадобиться в такую рань?

— Зови, — сказала она, решительно откидывая одеяло и набрасывая на плечи теплый шерстяной халат, который ей выделили из запасов гардеробной. — И принеси взвар и сладости, что вчера прислали с кухни. Посмотрим, что за птицы залетели в наше скромное гнездо.

Через пять минут, которые Ольга потратила на то, чтобы умыться ледяной водой и кое-как пригладить волосы, в комнату вплыли две дамы.

Первой, как более напористая, шла тощая Мирана. На ней было платье из тяжелого темно-зеленого шелка, украшенное жемчугом. Второй семенила кругленькая Веста в розовых кружевах, похожая на сладкую булочку. Обе были одеты с иголочки, причесаны так, словно собрались на бал, а не в гости к «пустышке» спозаранку. Обе улыбались такими сладкими, приторными улыбками, что у Ольги немедленно заняли зубы и зачесались руки.

— Леди Ольга! — проворковала Веста, приседая в глубо-

ком реверансе, который круглое тело делало похожим на падающий кекс. — Мы так давно мечтали с вами познакомиться! Вы такая загадочная, такая необычная! Весь двор только о вас и говорит!

— Просто Ольга, — сухо поправила она. — Я не леди. У меня нет титула. И вряд ли будет.

— О, какая скромность! — всплеснула руками Мирана. Ее острый нос, казалось, раздувался от любопытства. — Истинная ведьма всегда скромна и не кичится своим происхождением!

Ольга едва сдержалась, чтобы не закатить глаза. Истинная ведьма, у которой магии — кот наплакал.

— Присаживайтесь, — указала она на стулья у стола, сама садясь в кресло, чтобы оказаться чуть выше. — Чай... взвар будете? У нас тут попроще, чем во дворце.

— С превеликим удовольствием! — хором ответили дамы и чинно уселись, расправив юбки так, чтобы занять побольше места.

Они устали на Ольгу с таким откровенным, почти неприличным любопытством, будто она была диковинным зверем в клетке или экспонатом в кунсткамере.

— Мы слышали, вы из очень далеких земель? — начала Мирана, принимая из рук Лии чашку с дымящимся взваром. — Расскажите, как там, за Гиблыми землями? Говорят, там другие миры?

— Холодно, — коротко ответила Ольга, делая глоток из

своей чашки. — Очень холодно. Медведи по улицам ходят.

— Ой, правда?! — Веста округлила глаза до размеров блюда. — Настоящие медведи? Большие? Бурые?

— Белые, — поправила Ольга с серьезным лицом. — Белые медведи. Огромные. И очень злые. Особенно зимой, когда голодные. Могут и съесть.

Дамы переглянулись. В их глазах отразилась борьба между желанием узнать побольше и нарастающим ужасом. Кажется, они не поняли, шутит Ольга или говорит чистую правду.

— А магия? — Мирана подалась вперед, чуть не пролив взвар. — Говорят, ваша сила пострадала при переходе. Это правда? Наши источники утверждают...

— Правда, — спокойно перебила Ольга, глядя ей прямо в глаза. — Временно нестабильна и заблокирована. Магистр Орвиус занимается моим восстановлением. Делаем успехи, но медленно.

— Ах, бедняжка! — Веста театрально всплеснула пухлыми ручками. — Как же вы без магии? Наверное, очень тяжело и страшно в чужом мире?

— Привыкла, — пожала плечами Ольга. — У нас в Москве магии вообще нет, никогда не было. Никто по улицам файерболлами не кидается, принцы на драконах не летают. Живем как-то, не жалуемся. Технологиейми пользуемся.

Дамы снова переглянулись. В их глазах читался неподдельный, почти мистический ужас. Мир без магии, где нет

даже искры дара, казался им страшнее любых Гиблых земель. Пустота. Мрак.

— А Владыка? — не унималась Мирана. Ее глаза-буравчики сверлили Ольгу насквозь. — Он часто вас навещает? Мы слышали, почти каждый вечер?

— По делам, — отрезала Ольга, чувствуя, как начинает закипать. — Обсуждаем вопросы дворцового хозяйства и финансов. Ваш казначей, лорд Деррик, ведет не совсем прозрачную отчетность. Мы пытаемся разобраться.

Мирана подавилась взваром и закашлялась. Веста побледнела так, что кружева стали одного цвета с лицом.

— Ах, хозяйство! — захихикала Веста неестественно высоким голосом, пытаясь сгладить неловкость. — Конечно, хозяйство. Это так... благородно. Мы понимаем.

Ольга поняла, что еще минута этого разговора, и она кого-нибудь прибьет. Либо чашкой, либо тяжелым подсвечником, который стоял на камине. К счастью, в дверь громко постучали, и, не дожидаясь ответа, вошел магистр Орвиус. В своей неизменной мантии, с растрепанной бородой и стопкой книг под мышкой.

— Дитя мое, я пришел для утреннего... — он осекся, увидев гостей. — О, простите великодушно, не знал, что у вас столь ранние визитеры.

— Магистр! — Ольга вскочила с явным, почти неприличным облегчением. — Как хорошо, что вы пришли! Леди как раз собирались уходить. Правда, леди?

Она посмотрела на Мирану и Весту таким взглядом, в котором не осталось и следа от радушной хозяйки. Там была сталь.

Мирана и Веста поняли намек мгновенно. Поднялись, изображали церемонные поклоны и, шурша юбками, поспешно ретировались к двери, бросив на прощание:

— Мы еще непременно зайдем! Обязательно! Очень приятно было познакомиться!

Когда дверь за ними закрылась, Ольга обессиленно рухнула на стул и закрыла лицо руками.

— Магистр, если бы не вы, честное слово, я бы их убила. Своими руками. Задушила бы. Без всякой магии.

Орвиус усмехнулся в бороду, усаживаясь на освободившийся стул и водружая книги на стол.

— Это были ищейки леди Изель, дитя мое. Самые лучшие. Самые преданные. Пришли на разведку, прощупать, насколько вы опасны для их хозяйки.

— И что они увидят? Что я психованная и плохо воспитана?

— То, что вы спокойны, уверены в себе и не боитесь их. — Орвиус одобрительно кивнул. — Это их напугает куда больше, чем любые магические фокусы. Изель боится только одного — потерять контроль. А вы — та, кого она не может контролировать.

— А меня это бесит, — честно призналась Ольга. — Ладно, плевать. Давайте заниматься. Магия ждет, а эти куклы

пусть сами в своих интригах тонут.

Дракон для очень (не) стандартной попаданки

Аллу Сант

https://litnet.com/shrt/_z3t

АЛЛУ САНТ

Глава 13. Козни за спиной

Они просидели за учебниками и практическими упражнениями до самого обеда. Ольга старательно записывала в тетрадь названия трав, свойства кристаллов, правила построения защитных кругов. Заучивала, повторяла, пыталась почувствовать тот самый пресловутый «отклик силы», о котором все время говорил Орвиус. Магистр был доволен — она делала успехи, пусть и медленные.

— Еще пара месяцев регулярных занятий, — подвел он итог, закрывая последний фолиант, — и вы сможете зажечь свечу самостоятельно. Без моей подпитки. А там, глядишь, и до мелких бытовых заклинаний доберемся. Защита от огня, охлаждение продуктов, ускорение уборки...

— Пара месяцев, — вздохнула Ольга, провожая взглядом уходящего магистра. — Дожить бы еще до этого светлого момента. С такими-то "подругами".

Вечером, как обычно, ровно в тот час, когда зажигали первые факелы в коридорах, пришел Айден.

Ольга сидела у камина, подобрав ноги, и перебирала пергаменты с отчетами. Увидев его высокую фигуру в дверях, она в который раз за этот день почувствовала, как сердце делает кульбит и проваливается куда-то вниз, в область желудка. Мысленно обругала себя последними словами.

— Опять считаешь? — спросил он, с порога окидывая

взглядом комнату, и, как всегда, садясь в соседнее кресло. Движения его были спокойны, но Ольга замечала, как он сканирует пространство, проверяет углы, прислушивается. Привычка бессмертного правителя.

— Опять. Твои придворные дамы сегодня с утра пораньше пожаловали. — Ольга отложила пергамент. — Разведчицы Изель. Мирана и Веста. Пришли знакомиться.

— Знаю, — кивнул Айден, глядя на огонь. — Мне уже доложили.

— И ты молчал? — она приподняла бровь. — Не предупредил?

— А что говорить? Ты справилась. Я знал, что справишься. — Он повернул голову и посмотрел на нее с легкой усмешкой. — Ты не из тех, кого можно запустить визитом двух напыщенных дур.

Ольга посмотрела на него с подозрением.

— Айден, ты за мной следишь?

— Присматриваю, — поправил он спокойно. — Ты ценный кадр, Ольга из Москвы. Таких, как ты, берегут и холят. Потенциальный главный счетовод королевства. Шутка.

— Кадр? — удивилась она, услышав родное слово в этом мире. — Откуда ты знаешь это слово?

— Ты вчера вечером говорила. — Он чуть заметно улыбнулся. — Рассказывала про свой офис. Про отдел кадров, где сидели тетеньки и распределяли людей. Про начальника, который был дурак. Я запомнил.

Ольга растерялась окончательно. Он запоминал ее слова? Ее обычные, бытовые рассказы о скучной московской жизни, которые она выдавала порционно, когда он просил «расскажи еще про свою Москву»? Эти незначащие детали?

— Айден... — начала она, не зная, что сказать.

— Что?

— Зачем ты приходишь каждый вечер? Правда. Не про скуку, не про интерес. Зачем?

Он помолчал долго. Огонь трещал в камине, бросая пляшущие тени на стены. В комнате пахло сухими травами, которые Лия развешивала для аромата, и воском.

— Скучно, — сказал он наконец, но голос звучал иначе, чем обычно. Глуше. — Триста лет я живу. Триста лет мне скучно. Не было человека, с которым можно было просто сидеть и молчать. Или говорить ни о чем. Или спорить о дурацких таблицах. А с тобой... с тобой не скучно. Совсем.

— Я не развлечение, Айден. — Ольга смотрела на него в упор. — Я живой человек.

— Знаю. — Он повернулся к ней всем корпусом. В его синих глазах отражалось пламя, и в них было что-то такое, от чего у Ольги перехватило дыхание. — Ты... другая. Ты не играешь в эти игры. Не притворяешься той, кем не являешься. Не строишь глазки, не плетешь интриги, не ждешь, когда я оступлюсь, чтобы вонзить нож в спину. Ты просто есть. Со всеми своими страхами, цифрами, глупой смелостью. И от этого... тепло.

У Ольги защипало в глазах. Она моргнула, прогоняя предательскую влагу.

— Айден...

— Молчи. — Он поднялся с кресла, подошел и сел прямо на пол, у ножек ее кресла, прислонившись спиной к сиденью. — Просто молчи. Дай мне посидеть рядом. Это все, что я прошу сегодня.

Ольга смотрела на его темноволосую голову, на широкие плечи, обтянутые простой темной рубашкой, на расслабленную позу. Владыка этого мира, бессмертный повелитель, сидел у ее ног, как верный пес. Или как уставший человек, нашедший наконец приют.

— Ты странный, — прошептала она, положив руку ему на плечо. Совсем легко, кончиками пальцев.

— Знаю, — ответил он, не оборачиваясь, но его ладонь накрыла ее пальцы и чуть сжала. — Привыкай.

Они сидели так долго. Огонь мирно потрескивал, за окном были ночные птицы, где-то далеко лаяли псы. А в комнате было тихо и спокойно. Впервые за долгое-долгое время Ольга чувствовала себя в полной безопасности. Будто за каменной стеной.

— Айден, — позвала она шепотом.

— Ммм?

— Спасибо. За то, что ты есть.

Он медленно повернул голову, посмотрел на нее снизу вверх. В его глазах было столько тепла и такой глубины, что

у нее сжалось сердце.

— Это я тебе должен сказать спасибо, — ответил он тихо.
— За то, что ты появилась. В моей жизни. В этом мире.

И улыбнулся. Тепло, почти нежно, совсем не так, как улыбался на Совете или на пирах.

Ольга улыбнулась в ответ, чувствуя, как по щеке скатывается одна-единственная слеза.

Впервые за все время пребывания в этом чуждом, страшном, но таком прекрасном мире она почувствовала, что не одна. Что есть существо, которому она нужна. Не как счетовод, не как ведьма, не как диковинка. А просто — она.

А в другом крыле замка, в будуаре, отделанном черным деревом и алым бархатом, леди Изель слушала доклад своих шпионов.

Мирана и Веста стояли перед ней, потупив глаза.

— Она держалась уверенно, — докладывала Мирана, нервно теребя веер. — Сказала, что магия временно нестабильна, но они с магистром занимаются восстановлением. Сказала, что у них в Москве вообще магии нет. И про медведей...

— Про медведей я уже слышала. — Изель поморщилась.
— А Владыка?

— Владыка к ней ходит каждый вечер. Сидит допоздна. — Веста подняла глаза. — Моя служанка видела, как он входил к ней после заката и выходил уже далеко за полночь.

Изель сжала подлокотники кресла так сильно, что дорогое

дерево жалобно скрипнуло. Костяшки ее пальцев побелели.

— Каждый вечер, значит. И вы все еще думаете, что она пустышка, не стоящая внимания?

— Она сама призналась, что магии почти нет! — воскликнула Мирана. — Сказала, заблокирована, нестабильна...

— А Владыка все равно ходит к ней, — перебила Изель ледяным тоном. — Каждый вечер. Сидит допоздна. Значит, ему нужно от нее что-то другое. Не магия.

— Но что?

— Не знаю. — Изель встала и подошла к окну. — Но это делает ее еще опаснее. Мага можно победить магией. А чем побеждают ту, которая нужна Владыке без всякой магии?

В комнате повисла тишина.

— Москва, — задумчиво протянула Изель. — Что это за место? Никогда не слышала. За Гиблыми землями? Где белые медведи ходят по улицам?

— Это она так сказала, — пожала плечами Веста. — Может, врет?

— Может. А может, и нет. — Изель обернулась. В ее глазах горел холодный огонь решимости. — Ладно. Если она пустышка, это нам только на руку. Без магии она уязвима, как любой смертный. Осталось только выманить ее из-под крыла Владыки.

— Как?

— Придумаем. — Изель прошлась по комнате. — У меня есть идея. Через неделю бал в честь осеннего равноден-

ствия. Большой бал, на который съедется вся знать королевства. Будет много народу, много вина, много танцев и много... случайностей. Идеальное место для того, чтобы с кем-то произошел несчастный случай.

— Но Владыка...

— Владыка не сможет быть рядом с ней каждую минуту.

— Изель улыбнулась своей хищной улыбкой. — Он будет принимать гостей, вести переговоры, танцевать с другими дамами согласно этикету. А одной минуты, когда она останется одна, нам будет достаточно. Вполне достаточно.

В комнате повисла зловещая тишина. Только две луны светили в высокое окно, освещая хищный, торжествующий профиль леди Изель.

Охота начиналась. И дичь даже не подозревала, что сеть уже заброшена.

Глава 14. Ночной визитер

Ольга проснулась не от звука, а от его отсутствия. От той особенной, настороженной тишины, которая наступает, когда кто-то чужой вторгается в твоё пространство, даже стараясь двигаться бесшумно.

Она не сразу поняла, что ее разбудило. Веки были тяжелыми после бессонной ночи, разум цеплялся за остатки сновидений. В комнате было темно, лишь алые угли в камине тлели глубоким багровым жаром, отбрасывая нервные, пляшущие тени на каменные стены, заставляя их, казалось, дышать. Где-то далеко за окном, за толщиной стен, завывал ветер, бросая в стекло пригоршни ледяной крупы, и где-то в городе перекликалась стража, голоса звучали глухо и успокаивающе. Всё было обычно. Всё было так, как и должно быть в этой холодной, чужой реальности.

Но что-то было не так. Воздух словно сгустился, стал плотнее. Запахло не просто дымом из камина, а чем-то другим — терпким, мужским, чужим. Запахом сухой травы, старой кожи и едва уловимой ноткой можжевельника.

Она приподнялась на локте, сердце мгновенно перестало быть просто органом, а превратилось в огромный, колотящийся ком, застрявший где-то в горле, мешающий дышать. Она всматривалась в темноту, пытаясь рассмотреть углы, игру теней. Лия ушла давно, за полночь, в замке все спят. Кто

мог...

— Не спится, Ольга из Москвы? — Голос из темноты был низким, бархатистым, с хрипотцой, и в нем слышалась усмешка. Ольга вздрогнула так сильно, что едва не закричала, вовремя закусив губу.

В кресле у камина, расслабленно откинувшись на спинку и вытянув длинные ноги к почти потухшему огню, сидел Владыка. Лица его почти не было видно — лишь очертания широких плеч, гордая посадка головы да отблески углей, играющие на пряжке плаща. Она узнала бы этот силуэт где угодно. Эта вечная, расслабленная поза хищника, который настолько уверен в своем превосходстве, что ему даже не нужно напрягаться.

— Айден?! — выдохнула она, хватая ртом воздух, словно вынырнула из глубокой воды. Шепот получился сиплым, испуганным. — Ты с ума сошел?!

— Тише, тише, — он медленно поднес палец к губам, и даже этот жест выглядел пугающе грациозно. — Разбудишь слуг. Придется объяснять, почему Владыка посреди ночи сидит в покоях ведьмы. А я, знаешь ли, не люблю объяснять.

— А ты почему здесь в такое время?! — прошипела Ольга, инстинктивно натягивая тяжелое шерстяное одеяло до самого подбородка, чувствуя себя беззащитной улиткой в раковине. — Ты вообще в курсе, что у меня на родине за такие ночные визиты... ну, скажем, бьют? Или в тюрьму сажают?

— В твоём мире, судя по твоим рассказам, вообще много

странного, — философски заметил он, и в полумраке блеснули белые зубы. — Переизбыток правил и странная тяга к однообразной пище под названием «доширак». А я здесь — владыка. Мне правила не писаны.

— Ничего тебе не можно! — возмутилась она, пытаясь сесть повыше, но тут же вспомнила, что на ней лишь тонкая, почти прозрачная ночная сорочка, которая, кажется, светится в отсветах камина. — Отвернись!

— Зачем? — в его голосе усмешка стала совсем явной, обволакивающей. — Я уже всё видел. Ты красиво спишь. Растрепанная, с подушкой в обнимку, губы приоткрыты. Как ребенок. Или как... впрочем, неважно.

Ольга почувствовала, как жаркая волна стыда и чего-то еще, непонятного, заливает щеки, шею, грудь. Хорошо, что в комнате темно. Или плохо? Она не знала.

— Ты за мной следил? — спросила она, пытаясь придать голосу грозные нотки, но получилось жалобно и тонко.

— Подглядывал, — поправил он с убийственной серьезностью. — Есть разница. Слежка — это системно, с отчетами и докладами. А подглядывание — это так, хобби. Развлечение для скучающего владыки.

— Ты невыносим!

— Знаю. Эту фразу женщины говорят мне уже триста лет. — Он плавно, без единого резкого движения, поднялся из кресла и сделал шаг к кровати. Ольга вцепилась в одеяло мертвой хваткой. — Но ты так и не спросила, зачем я при-

шел.

— И зачем же? — Ей показалось, что в комнате стало тесно. Воздух закончился.

— Проверить, не замерзла ли ведьма. Топит ли камин. Не дрожит ли во сне, свернувшись калачиком, как бездомный котенок. — Говорил он это с абсолютно серьезным, даже величественным лицом, но в глубине синих глаз, отражавших огонь, плясали чертики. — Забочусь о подданных. Это моя прямая обязанность.

— О подданных? — фыркнула она, чувствуя, как страх потихоньку отпускает, уступая место иррациональному раздражению. — С каких пор владыки по ночам проверяют подданных в их спальнях?

— С тех пор, как среди подданных завелась одна неугомонная особа, которая шьет платья из казенных штор, ловит казначеев на воровстве с помощью дурацких таблиц и требует горячую воду по графику, словно это предел мечтаний. Такие ценные кадры, Ольга из Москвы, надо беречь. Ночью особенно.

Он подошел еще ближе. Теперь она отчетливо видела его лицо в неверном свете тлеющих углей — резкие, словно вырезанные из камня скулы, темные, чуть сведенные к переносице брови, четко очерченные губы, в уголках которых пряталась усмешка. И глаза. Синие, глубокие, как омут, в которых плясали не только чертики, но и само пламя.

— А если серьезно? — спросила она тихо, и в ее голосе

не осталось ни грамма прежней дерзости, только тихое, искреннее любопытство.

Он помолчал. Долгую, тяжелую минуту. Потом, без спроса, просто сел на край ее кровати. Матрас прогнулся под его весом, и Ольгу чуть качнуло к нему. Она дернулась, но он даже не пытался до нее дотронуться. Просто сидел, устремив взгляд на огонь, который, казалось, под его взглядом ожил и затрепал веселее.

— Не спится, — произнес он наконец, и в его голосе не осталось ни усмешки, ни игры. Только глухая, выматывающая усталость. — Триста лет живу, а всё никак не привыкну, что ночью положено спать. Раньше, когда я был еще человеком... ну, почти человеком, я спал как убитый. Проваливался в темноту до утра. А потом... потом что-то во мне сломалось.

— Что сломалось? — прошептала она, боясь спугнуть эту внезапную, пугающую откровенность.

— Не знаю. — Он повернул голову и посмотрел на неё. Взгляд был тяжелым, изучающим, но не пугающим. Скорее, усталым. — Может, совесть проснулась. Может, страх, что во сне меня убьют. Может, просто привычка быть настороже каждую секунду. В моем положении, Ольга, расслабляться нельзя никогда.

— Даже ночью? — Ей стало зябко, и она плотнее закуталась в одеяло.

— Особенно ночью. Ночью все убийцы приходят. — Он усмехнулся, но усмешка вышла кривой. — Удобное время.

Темно, тихо, стража дремлет.

Ольга поежилась. Ей вдруг стало по-настоящему холодно, хотя камин все еще давал тепло.

— И часто приходят? — спросила она, сама не зная, зачем.

— Раньше часто. Последние лет пятьдесят — тихо. То ли перевелись смельчаки, то ли я слишком старым и страшным стал, что желающих не осталось. — Он хмыкнул. — Склоняюсь ко второму.

— Ты не страшный, — вырвалось у нее прежде, чем она успела подумать. Слова повисли в воздухе, тяжелые и слишком откровенные.

Он удивленно вскинул бровь, и в его глазах снова зажглись те самые чертики.

— Правда? — переспросил он с наигранным изумлением. — А молва говорит обратное. Говорят, я драконов натравливаю на деревни, девушек в высоких башнях запираю, а по утрам, для бодрости, лично провожу показательные казни на главной площади.

— Сплетни, — отмахнулась Ольга, чувствуя, как от его близости и этого разговора у нее начинает кружиться голова. — Драконов я здесь не видела, про девушек в башнях ничего не слышала, а казни... ну, может, ты их и проводишь, но меня пока не тронул. А раз не тронул, значит, не такой уж и страшный.

— Цени, — усмехнулся он. — Я вообще-то планировал

начать с тебя завтрашним утром, но передумал. Ты вкусно пахнешь.

— Чем это? — опешила она.

— Не знаю. Чем-то чужим. Другим миром. И мылом. Простым мылом.

Они замолчали. Тишина повисла в комнате, но она была не колючей и чужой, а удивительно уютной, почти домашней. Огонь мирно потрескивал, ветер за окном жаловался на жизнь, а они сидели рядом — всемогущий владыка мира, уставший от одиночества, и девушка из другого измерения, понятия не имеющая, как зажечь свечу без спичек.

Глава 15. Разговоры о жизни

— Расскажи мне о доме, — попросил он вдруг. Не приказал, а именно попросил.

— О каком доме? — не поняла она.

— О своем. О той жизни, где нет магии, но есть железные птицы и поезда под землей. Мне правда интересно. Скучно здесь, знаешь ли.

Ольга задумалась. Что рассказывать? О серых, одинаковых высотках спального района? О давке в метро в час пик, когда люди трутся друг о друга, но остаются бесконечно чужими? О бесконечных, выматывающих отчетах, остывшем кофе из автомата и начальнике-самодуре?

— У нас нет магии, — начала она медленно, подбирая слова. — Совсем. Мы летаем по небу в железных птицах — самолетах, ездим под землей в поездах, которые грохочут так, что закладывает уши, и разговариваем друг с другом на расстоянии через маленькие плоские коробочки.

— Через коробочки? — переспросил он, и в его голосе явственно слышалось недоверие. — Ты шутишь?

— Нет. Это называется «телефон». Техника. Наука. Мы не умеем колдовать, но научились делать вещи, которые для вас, наверное, покажутся магией. — Она помолчала. — Хотя, может, это и есть наша магия. Просто другая.

— И тебе там нравилось? В мире без магии, с этими...

телефонами?

Она задумалась еще глубже. Нравилось ли? Работа, от которой болела спина, вечная нехватка денег, пробки, очереди в поликлинике, серое небо над головой...

— Не знаю, — честно призналась она. — Наверное, я не думала об этом. Просто жила. Бежала по кругу, как белка в колесе. А теперь, когда этого всего нет, я понимаю, что многое было на самом д

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.